

СИБИРИАДА

ЛЕОНИД
ИВАНОВ

ДЕШИЙ

Сибиряда

Леонид Иванов

Леший

«ВЕЧЕ»

2020

Иванов Л. К.

Леший / Л. К. Иванов — «ВЕЧЕ», 2020 — (Сибиряда)

ISBN 978-5-4484-8468-1

Сборник повестей и рассказов Леонида Иванова продолжает лучшие традиции деревенской прозы. «Леший» (деревенские этюды) – дань простым деревенским жителям, которые в оторванном болотами и тайгой от цивилизации лесном урочище Кьянда, где нет ни электричества, ни радио, живут своим трудом и лесными дарами, верят в народные приметы и хозяина леса, любят, женятся, заводят детей, творят добро и беззлобно разыгрывают соседей. «Резервация» – повесть о покинутых в умирающих деревнях стариках, которые часто оказываются никому не нужны. О них вспоминают лишь накануне предстоящих выборов, ради очередного пиар-хода. Современной, брошенной на произвол судьбы деревне и её последним жителям посвящены и включённые в книгу рассказы.

ISBN 978-5-4484-8468-1

© Иванов Л. К., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Леший	6
Глава 1. Конфуз	6
Глава 2. Биография	8
Глава 3. Проводы	9
Глава 4. Сватовство	11
Глава 5. Знакомство	12
Глава 6. Женитьба	15
Глава 7. Перепряг	24
Глава 8. По муромской дорожке	26
Глава 9. За сеном	30
Глава 10. Крещенские забавы	32
Глава 11. Олёхины женитьбы	34
Глава 12. Дурная примета	40
Глава 13. Сюрприз с рыбалки	44
Глава 14. Жили-были две подружки	48
Глава 15. Радио	51
Глава 16. Пропажа	56
Глава 17. Сенокос	59
Глава 18. Знойный август, отмщение	64
Глава 19. Бантик для Геракла	67
Глава 20. Средство от запора	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Леонид Кириллович Иванов

Леший

© Иванов Л.К., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Леший

Глава 1. Конфуз

Леший проснулся от первых же звуков гимна. Радио давно стало его будильником, хотя, если требовалось, он без всякой побудки поднимался задолго до начала вещания. Но в этот раз торопиться было некуда, и он, было, поморщился, но досаду тут же сменил восторг. Его «браток» стоял, как много лет назад.

«Вот ведь, патриот грёбаный», – с радостной улыбкой подумал мужик, вспомнив давно прочитанное в каком-то журнале, что в Соединённых Штатах все слушают гимн стоя. Видимо, его несколько лет дремавший «крантик», что служил только для облегчения мочевого пузыря, тоже решил последовать американскому примеру. В восторге от давно забытого ощущения Леший воспрял духом и моментально составил коварный план.

Он, ещё не вставая с постели, продумал всё до самых мелочей.

Поскольку его вспомнивший былое состояние «браток», согласно заморскому правилу, так браво отреагировал на слова: «Могучая воля, великая слава – Твое достоянье на все времена!», то Анемподист и надумал подгадать так, чтобы как раз к этому моменту завалить Нинку на свою постель.

Лешему на ту пору шла уже вторая половина восьмого десятка, но был он крепок телом и духом, а в таком состоянии, известно, бес нет-нет да и торкнется в ребро и наведёт на грешные мысли. Собственно, они всегда беспардонно бродили в голове Лешего, но, когда ранним утром проснулся от шевеления в паху, сразу подумал про Нинку. Эта молодая бабёнка жила одна на самой окраине деревни, была хороша собой, учила в городе повзрослевшую дочь и страдала без мужика. Её малахольный супруг лет пятнадцать назад подался куда-то на сибирские стройки в поисках больших денег, да так больше дома и не появлялся.

То ли сгинул где, то ли другую нашёл. А в деревне, знамо дело, с сильным полом совсем слабо стало. Многие по пьянке на тот свет отправились, а большинство оставшихся содержимым стакана интересовались куда чаще, чем осатаневшими от сексуальной голодухи бабами. Вот и задумал Леший, может, в последний раз в своей жизни покобелировать.

Нинку он встретил на следующее утро на околице в половине шестого, когда под бойкий перестук палочек по самодельному барабану, сделанному из широкой еловой доски, следом за пастухом стадо вышло из выгона и отправилось в ближайший лесок, где густо росла молодая и сочная трава.

– Пойдём, соседка, чаю с травками попью, – пригласил Леший женщину. Та обернулась на уходящих коров и повернула по тропинке в гости. Истосковавшись по мужику, она не больно-то и противилась, когда хозяин сразу за порогом обнял её за талию и повёл к своей кровати с пуховым матрасом, на который, казалось, и не взобраться без подставленной табуретки. Но сила у Лешего ещё была! Он подхватил соседку одной рукой под мышку, другой взялся под коленками и махом уложил на пышное своё ложе.

– Да погодь ты, нетерпеливый, – пыталась почему-то шёпотом поумерить его пыл Нинка, – дай хоть трусы-то сниму.

Но мужик, оглаживая мясистые ляжки гостьи, уже сам задрал её юбку и стал стягивать надетые после вчерашней бани обтягивающие тело трикотажные трусы. Делал он это медленно, специально растягивая время, чтобы в розеточном радио заиграл Российский гимн. И вот уже полилась торжественная музыка, но то ли «браток» не был таким уж великим патриотом, то ли из-за многолетней невостробованности не поверил, что вдруг сгодился в деле, а признаков жизни так до самого окончания гимна и не проявил.

Леший стыдливо отвернулся и еле слышно вымолвил:

– Ты уж это, прости меня, Нинка! Видно, отгулял я своё... А ведь, треклятый, вчера утром, как молодой, стоял.

– Да не кручинься ты, Анемподист Кенсоринович, и с молодыми такое случается. Мой-то и в тридцать лет не больно сноровист бывал. А ты у нас мужик ещё хоть куда! Может, просто обстановка не та, может, понервничал... Да ты вечерком-то заходи, не стесняйся.

Слезла с перины, погладила оконфузившегося мужика по плечу и вышла за дверь.

Леший потом долго сидел на лавке у стола, упервшись подбородком в ладони, обдумывая что-то только ему известное. Затем потряс головой, встал, снял с гвоздя ружьё, нацепил патронташ и пошёл в лес в сопровождении своего охочего до таких прогулок пса.

Больше ни самого Лешего, ни его верного Буяна никто не видел.

Глава 2. Биография

Ушёл Леший в лес и как в воду канул. Это с ним и раньше часто так бывало, что пропадал на несколько дней по своим егерским делам, но когда Анемподист не появился и к концу недели, люди начали волноваться.

Поспросили у Льва Николаевича, но и новый председатель ничего не знал. Потом кто-то вспомнил, что последний раз Леший на людях показывался, когда выгоняли коров и когда Нинка шла по утрянке к его дому.

Баба не отнекивалась, мол, и вправду, заходила к Анемподисту Кенсориновичу на несколько минут по хозяйской надобности, но сразу же ушла, что он сулился зайти к ней вечером – с ремонтом стайки подсобить, но не показывался ни в этот день, ни на следующий. Она, было, толкнулась к нему, но у ворот стояла прислонённая к двери палка – знак, что хозяина нет дома. А поскольку не было и его верного Буяна, знатьё, или на линию ушли вместе, или в район отправился.

Искать Лешего начали через неделю, когда выяснилось, что и его районные власти про своего связиста ничего не знают. Походили мужики по ближнему лесу, покричали, из ружей постреляли, но откликалось им только гулкое эхо, да и то быстро тонуло в чаще. Ни ответного крика, ни собачьего лая.

И стали люди вспоминать всё, что связывало их с Анемподистом. Ефросинья, всего на несколько годков постарше, даже про детские годы помнила, будто было это не далее как на той неделе. Она-то и сказывала, что Лешим называли его все в глаза и за глаза с самого детства. Может, потому, что настоящее имя было очень уж мудрёное – Анемподист Кенсоринович.

Говорят, отец его в двадцатых годах слыл самым образованным в волости, боролся с безграмотностью, работал председателем волостного совета, много читал, и в какой-то привезённой из города книжке попалось ему на глаза это вроде бы и русское, но уж больно заковыристое имя. А как только родился у них с комсомольской заводилой Настёной первенец, Кенсорин назвал его Аником, то есть Анемподистом, поясняя, что в переводе с греческого, а русские имена, мол, в основном произошли от еврейских, греческих да латинских, это значит «свободный», «неустрашимый».

– Ну, учудил Кенсорин, – судачили бабы, у которых, в силу их полной безграмотности, выговорить непривычное имя язык не поворачивался. Когда Аник подрос и стал играть с деревенскими ребятами в звери-охотники, оказался настолько быстроногим да шустрым, что поймать его не было никакой возможности даже у более рослых. Вот тогда будто бы кто-то и ляпнул, что он, как леший, неуловим. А ведь известно, что у детей прилепится, так уж надолго. К Анемподисту прилепилось навсегда.

Но с пацанами Леший играл мало. В основном в лесу пропадал. И зимой, и летом. Что уж там делал, чем занимался, так никто и не догадывался. Но в доме у них всегда был приварок, а клюква, брусника и морошка хранились ушатами аж до нового лета. И все стараниями юного Лешего.

Учёба ему давалась тяжело. И хоть видел Кенсорин своего сына большим человеком, ум парня был сложен так, что книжные чужие знания пролетали мимо сознания. Семилетку кое-как вытянул с божьей да отцовской помощью и при большом уважении к родителям со стороны учителей, но дальше учиться сам Аник не хотел, и в школе не советовали. Мол, зачем дитя, не способное к постижению науки, даром мучить. Так и остался сын в колхозе под батькиным присмотром до самого призыва.

Решил Кенсорин, что возьмут сына в Красную Армию, послужит положенный срок, за ум возьмётся, а там видно будет, чем его занять, по какой стезе направить.

Глава 3. Проводы

Девоч Аник боялся. Уже больше месяца. С того самого вечера, когда осрамился на всю свою оставшуюся жизнь. Было это на Спасов день. Собрался народ из всех окрестных деревень на кладбище помянуть своих родных, что ушли в мир иной. Родственники устраивались на краю могил, стелили полотенца и выкладывали почти обязательный для такого случая рыбный пирог, маринованные грибы, свежие пупырчатые огурцы, ягодники или творожники, торжественно ставили бутылку водки или загодя приготовленную и хорошо выходившую брагу, стограммовые гранёные стопки и поминали предков. Те, кто пришёл пораньше, посидев положенное время у могил своих родителей, шли помянуть более дальних родственников, потом возвращались на место, принимали гостей сами.

Поминки эти по давней традиции от истошных, пробирающих до глубины души причитаний по недавно умершим постепенно превращались в весёлое гуляние на краю погоста. Нет-нет да и раздавались звуки громкоголосой гармонии, постепенно удаляющейся по сосновой аллее в сторону деревни.

Вслед за хромкой уходила очередная ватага собравшихся в гости к кому-то из жителей Неумоевки или Дьяконовки, Мишино или Носово. Ещё на кладбище заметил Аник одну незнакомую красивую девушку с длинными косами. Находилась она всё время вместе с Нюшкой из Носово, верно, в гости приехала из отстоящих далеко за лесами да болотами Новосело или Костомы. Увидел незнакомку и под вечер в клубе не сводил с неё глаз и был несказанно поражён, когда она пригласила его партнёром на ланчик, этакий местный вариант кадрили, сопровождаемой задорными тут же сочинёнными частушками.

Когда оторопь во время залихватской пляски в ланчике прошла, Аник и стал девушку кадрить. Оказалось, что она действительно из Костомы, в гостях у Нюшки, которой приходится двоюродной сестрой, что её отпустили только на два дня, и потому завтра после обеда уже должна отправиться домой, прошагав больше двадцати верст по труднопроходимому болоту, поскольку в понедельник надо успеть на ферму к утренней дойке.

Из клуба Аник уже под утро, когда после тёмной августовской ночи вот-вот должен был забрезжить рассвет, пошёл провожать девушек в Носово. По дороге заскочил домой, захватил ружьё. Увидев это, верный Буян сначала уселся у калитки, нетерпеливо помахивая хвостом, а потом весело побежал немного впереди, то и дело оглядываясь, чтобы определить, куда направляется охотник.

Идти решили напрямки лесом. Обычно тут ходили редко, потому что преодолеть с километр топкого болота можно было только в сапогах, но в тот год лето стояло сухое, и лесной тропинкой можно было сократить дорогу почти вдвое. У Аника от выпитой в гостях, видно, не добродившей бражки сильно пучило живот, и он стал мучительно соображать, как бы под благовидным предлогом отклониться от тропинки в заросли и «стравить давление». Но девочки настолько живо обсуждали вечеринку в клубе, что он всё никак не решался прервать их разговор. А терпеть уже не было никаких сил.

И тут, на счастье, на одной из сосен, завидев прохожих, картаво подала голос ворона. Сидела она так далеко, что дробь не могла долететь и половины расстояния, но Анику нужно было выстрелить, чтобы под шумок пустить газу. Он взвёл оба курка, и как только почувствовал, что готов, нажал на оба спусковых крючка. Но в штанах произошло неожиданное. Вместо заглушаемой выстрелами канонады раздалось предательское бульканье, и по ногам потекло. Аник пулей сорвался с места, будто стремясь налету схватить спешно снявшуюся с вершины дерева ворону, и, отбежав за кусты, снял одежду, тщательно обтёрся верхней чистой частью обгаженных подштанников, натянул брюки и побежал догонять девушек.

Едва они отошли метров сто, как обернувшаяся Нюшка вдруг воскликнула: «Ой! А что это у Буяна?»

Аник оглянулся и обомлел. Его верный Буян тащил за штанину спрятанный под кустом позор. Подбежал, положил подштанники к ногам хозяина, сел, покручивая кончиком хвоста и ожидая похвалы за хозяйственность. Девчата расхохотались во весь голос, пугая ещё дремавшую лесную живность, а Аник сломя голову бросился бежать в обратную сторону.

Ничего не понимающий Буян ухватился за край подштанников и большими прыжками рванул вслед за хозяином.

С тех пор Аник в клубе не появлялся и вообще стал сторониться людей, хотя о том позорном провозании, похоже, так никто в деревне и не узнал. Но он постоянно боялся, что рано или поздно Нюшка кому-то расскажет о нерадивом ухажёре.

Так прошёл месяц добровольного отречения от общества. Аник исправно ходил выполнять наряды бригадира, а как только заканчивал работу, забрасывал за плечи ещё дедом плетённый из бересты пестерь, брал ружьё и вместе с Буяном отправлялся в лес. Иногда – с ночёвкой. Вот так однажды, усталый, набрёл на эту невесть кем и когда срубленную избушку, где и решил заночевать. И в эту ночь произошло невероятное.

Глава 4. Сватовство

В ту сентябрьскую ночь парень протопил печку и прилёг на широкую лавку. И едва задремал, как поднялся в вершинах корабельных сосен дикий шум. Ветер будто силился вырвать деревья с глубоко уходящими в землю корнями, поднять их к самым облакам и оттуда шмякнуть прямо на ветхую крышу. И от ветра ли, от предчувствия какой-то беды вдруг сделалось жутко.

Парень сильнее закутался в кем-то давно принесённый сюда старый тулупчик, хотя и без того было жарко. Вдруг ветер изо всех сил рванул дверь, распахнул её, и она, жалобно скрипя ржавыми коваными навесами, стала раскачиваться из стороны в сторону, открывая черноту непроглядной темени. И вот из этой черноты шагнул через порог бородатый мужик, из-за низкого потолка согнулся в три погибели и глухим, но сильным голосом произнес:

– Ну, здравствуй, Анемподист!

Аник хоть и не был робким, вдруг забоялся.

– Здрасьте...

– Возьми мою дочку замуж. согласишься – век благодарить будешь.

– Дак я это... Рано ещё... Мне бы подумать... батьку с мамкой спросить...

– Ну, думай, только недолго.

Повернулся мужик и вышел в ночь. Дверь за ним громко захлопнулась, и ветер стих.

Аник лежал на лавке, вспоминал происшедшее и никак не мог сообразить, заходил ли кто в избушку на самом деле или это короткий тревожный сон принёс ему такое видение. Было непонятно и страшновато. Понимая, что больше не заснуть, парень встал и отправился домой по едва заметной тропинке.

Об этом своём сне-привидении ни отцу, ни матери, а тем более деревенским, чтобы не засмеяли, не рассказывал, но и не забывал, всё пытаясь понять, на самом ли деле лесной пришелец сватал за него свою загадочную дочь.

Каждый день потом он вспоминал ту ночь, незнакомого бородатого мужика, его предложение жениться и свою просьбу подумать.

Но думать было некогда. В октябре Анемподиста взяли в армию.

Глава 5. Знакомство

Странное дело, но почему-то даже в армии, хоть и не оказалось в полку ни одного земляка, кто бы знал это прозвище, оно почему-то появилось снова. Скорее всего, из-за удивительной выносливости парня, который легко преодолевал изматывающие кроссы, чувствовал себя в незнакомом лесу, как дома, и всегда находил нужное направление.

Война застала Анемподиста на Урале, откуда их часть спешно бросили в Новгородскую область. Очень многие тогда и полегли в тамошних болотах под шквальным огнём фашистов, а Леший отделался одной-единственной царапиной на щеке. Да и то о еловый сук, когда тащил на себе раненого командира роты.

Когда Красная Армия пошла в наступление, Леший попал в разведку. Уж сколько раз он ходил по ту сторону, точно не знают даже документы. Скольких боевых товарищей потерял, только сам помнит. И ведь за всю войну ни одна пуля его не коснулась! Прямо заговорённым оказался Леший.

Домой вернулся весь в орденах да медалях. Отец его не дождался. Хоть и был семижильный, один вместо коня в плуг по весне впрягался, а вот ведь надорвался, стал быстро хиреть, сохнуть, и когда Анемподист перед очередной атакой окапывался уже под Прагой, тихой ночью покинул этот мир. В те поры занемогла и Настёна, но виду не показывала и работала наравне со всеми.

Дом родительский за годы отсутствия Аника совсем покосился, одряхлел, потому что занятому делами Кенсорину не до него было. И первое, что задумал по возвращении на родину после победы Леший, это поставить хорошую избу.

Знамо дело, мужики помогли, и к зиме стоял возле самой опушки, немного на отшибе от деревни, крепкий пятистенок под свежей, ещё не потемневшей от дождей, осинової дранкой и пускал из трубы прямо к низко проплывающим тучам веселые клубы дыма.

В колхозе Леший, не имевший никакой профессии, был всё одно нарасхват. Мастер на все руки, он то плотничал, то что-то ладил в кузне, то работал на ферме. А ближе к новому году зашёл к нему председатель и сказал, что хоть и жалко ему терять такого работника, но в райкоме насели и просят отпустить из колхоза – позарез нужен егерь. А заодно и монтер связи, которому бы можно было доверить тридцать километров телефонной линии, что связывает богом забытое и отрезанное бездорожьем урочище с остальным районом.

Так и получил Леший вольную жизнь. Утром вскидывал на плечо ружьишко, вставал на лыжи и отправлялся на линию: где-то срубить нависающую над проводами берёзку, где-то просто стряхнуть с дерева снег, чтобы не прогнулось в непогоду и не порвало связь. На обратном пути шёл лесом и обязательно возвращался с добычей. То на жаркое принесёт, то несколько белок подстрелит. Бывали удачи и покрупнее.

Так прошла зима, настало лето, а вместе с ним и необыкновенная лафа. Всех охотников в округе он знал, как и то, что мужики на сенокос обязательно пристрелят одного из беззаботно гуляющих неподалёку от деревни лосей – ибо как же в такую страдную пору обойтись без мяса? Знал, что есть его опять будут всей деревней, что ещё накануне сообщат о предстоящей охоте и ему, а потом назовут место, куда сходить за свежатиной.

Связь будет работать нормально, но надо будет заменить несколько подгнивших столбов, да если грозой свалит на линию дерево, снова натянуть и скрутить понадежнее провода.

В лесной избушке с той ещё доармейской поры не бывал, но всё время будто что-то неведомое и необъяснимое тянуло в ту сторону. И случилось однажды так, что в самой середине лета из района сообщили, будто бы на охраняемой им территории близ Новосела злоумышленники подстрелили лосиху.

А это значит, что ему надо пойти и разобраться. Просто сказать «пойти»! До Новосела почти полсотни вёрст лесом да болотами топтать.

Но делать нечего, поутру нацепил патронташ, вскинул на плечо ружьё и – вперед. Вечером уже был в Новоселе, устроился у знакомых на ночлег, заодно порасспрашивал про местных охотников, хотя и так уже догадывался, что лосиху мог завалить только Венька Калинин. Спозаранку прямо к нему и отправился.

Венька не отпирался. Да, завалил сохатого, честно на всех поделили, но какая сволота после того, как мясо съела, в район написала, оставалось только догадываться. Но и тут тайны никакой не было. Сподобиться на это мог только Лёва Веркин. Едрит его мать!

Егерь тут же в Новоселе составил акт, что, согласно опросу местного населения, случай браконьерства не подтверждается, но будто бы некоторые видели, как однажды Лев Степанович Веркин на рассвете шёл из леса с ружьём и тяжёлым рюкзаком. Для проверки сигнала надо привлечь участкового, потому что только его полномочия позволяют провести досмотр на предмет наличия незаконно добытого мяса. С почты отослал конверт своему начальству и отправился домой.

Но пока занимался тяжёлой для него писаниной, время подошло к обеду, а значит, полста километров до дома уже не одолеть. И решил Анемподист заночевать в той самой лесной избушке.

Она была все такой же, как семь лет назад. Разве что мох на крыше стал зеленее да гуще. Было уже почти совсем темно. Егерь открыл дверь, изнутри пахнуло затхлой сыростью давно не обжитого жилья. Затопил печку, вскипятил чаю из разных бодрящих трав, которые знал ещё от бабушки. После чая развалился на лавке в жаркой избушке и тут же заснул глубоким сном. И опять то ли во сне, то ли наяву, но услышал Анемподист голос того самого бородатого старика: «Приходи за невестой через неделю».

Вернулся Леший домой к обеду и ещё издали услышал громкие причитания. Доносились они из их дома, и сразу понял парень, что произошло страшное. Соседи опосля рассказали, что ещё с вечера во дворе ближайшего к ним дома истошно завывали собаки. Вскоре к ним подбежали ещё две, уселись у изгороди и жутко, выворачивая нутро у всех слышавших, заголосили уже вчетвером. Мужики подошли к одиноко стоящему дому, покричали-покричали, никто не отозвался, зашли в сени и наткнулись на лежавшую ничком Настёну. Смерть настигла её на пороге с почти полным молока подойником в руках.

После смерти матери, оставшись совсем один, Леший затосковал и от тоски этой беспросветной уходил в лес, оставляя скотину на соседок.

Через неделю ноги сами занесли его к избушке. Он распахнул дверь и шарахнулся назад. На лавке прямо перед входом кто-то лежал. Живой или мёртвый, сразу было не разобрать.

В полумраке Леший успел только заметить, что это был кто-то в куче драного тряпья. Какое-то время в оцепенении егерь стоял, как вкопанный, потом сделал шаг, второй, присмотрелся. На лавке лежала женщина с растрепанными волосами в донельзя рваной одежде. Леший тронул бродяжку за плечо, та пошевелилась и что-то промычала.

«Вот тебе и невеста!» – горестно подумал Леший и почесал в затылке.

Когда глаза окончательно привыкли к полумраку, разглядел «ведьму» получше. Была она вроде бы молода, но до предела истощена, грязное лицо, нечёсанные давно волосы и бледная худоба скрывали истинный возраст.

Леший помог женщине сесть, начал её расспрашивать, откуда она и как тут оказалась, но та лишь мычала что-то нечленораздельное и валилась обратно на лавку.

Егерь вышел из избушки, и вскоре окрестности разбудил ружейный выстрел. На ходу ошипывая рябчика, а их, непуганых, водилось тут довольно много, вернулся в избушку, растопил печь и наскоро приготовил целительный бульон, добавив пучок с незапамятных пор висевших на стенах трав.

Женщина была настолько слаба, что не могла держать в руках кружку с бульоном. Леший взял её за плечи и стал поить, как ребёнка.

Только через три дня отважился Леший пуститься в дорогу. Два десятка километров, которые обычно проходил часа за три с половиной, заняли весь день, поскольку найдёныша пришлось нести на чичирках.

Глава 6. Женитьба

Домой Аник добрался уже в сумерках. От леса прошёл прямо к бане, усадил так и не проронившую за всё время пути ни слова найдёну на лавку, затопил каменку. Едкий дым шёл сквозь приоткрытую дверь в предбанник и поднимался под стреху. Леший натаскал воды в большой чугунный котёл, добавил холодной в кадушку, подкинул в жаркий весёлый огонь берёзовых поленьев, сел в предбаннике на лавку, широко расставил ноги и, поставив локти на колени, опёрся подбородком в скрещенные пальцы широких ладоней.

Найдёна затравленно жалась в угол и смотрела куда-то в пол. Подумать Анику было о чём. Самое первое – рано или поздно о находке предстояло рассказать деревенским. А что рассказывать, если сама она была будто глухонемая. Даже хуже, потому что те хоть пытаются что-то объяснить на пальцах, мычат и кивают головой, эта на всё происходящее не реагирует никак.

Второе: о найдёныше надо заявлять в сельсовет, ведь где-то её наверняка ищут. А если уже не ищут, надо приبلудную как-то оформлять, выправлять документы. Ясен пень, пересудов не избежать, потому как привести в дом зазную сразу после смерти матери испокон веков считалось на деревне грехом тяжким. Но Леший боялся не столько пересудов, сколько того, что сейчас придётся эту женщину раздевать и мыть – сама-то она, вон, сидит совсем квёлая, ковшика не поднять. А начнёшь с неё тряпье сымать, как она отреагирует? Заорёт, царапаться начнёт?

– Охо-хо, – отчего-то совсем по-стариковски тяжело вздохнул Аник, точно так, как это делал его покойный отец, когда надо было решать что-то нелёгкое. – Ты это, тут посиди маненько, я в дом за одежкой схожу.

Широким шагом, будто и не устал за дальнюю дорогу с такой ношей, Анемподист прошёл в дом, взял из комода платье матери, покрутил в руках материны же трусы, в которых незваная гостья могла утонуть, положил их на место, задвинул ящик, снял с гвоздя два больших домо-тканых полотенца, подхватил себе свежую одежду.

Найдёна сидела, всё так же вжавшись в угол.

– Ну, давай, деушка, в байну пойдём, – ласково, как к ребёнку, обратился к ней Аник. – Я тебя сейчас попарю, все хвори из тебя выколочу, потом отмою-отскребу, и пойдём домой отдыхать. Тоже ить, поди, умаялась за дорогу-то?

Леший подал женщине руку, помог подняться с лавки и несмело начал снимать с неё тряпье. Найдёна безропотно подчинялась. Аник раздел гостью, свернул изодранную одежду в клубок и выбросил на улицу. Осторожно завёл женщину в баню, подхватил на руки, аккуратно уложил на полок.

– Ты это, полежи пока, погрейся, я веник запарю.

Он вышел в предбанник, достал с жерди берёзовый веник, разделал его, добавил от нечистой силы да колдовского сглаза несколько веток вереска, сорвал пучок крапивы, снова увязал всё это, окунул в деревянную шайку и залил кипятком, который уже пузырился в чугунном котле.

Несмотря на открытую дверь, в бане было жарко. Аник скинул одежду, почерпнул ковшиком немного кипятка и плеснул на камни. Раскалившись на берёзовых дровах, они будто заходили ходуном и грозно пшикнули паром.

Горевшая на лавке свеча испуганно пригасила язычок робкого пламени, чуть не погасла совсем, но оклемалась и начала потихоньку разгораться снова.

– Эх, благода-а-ать! – крикнул Анемподист и улёгся на полок с самого края. Гостья молча отодвинулась к стене.

– Ты к стене-то не прижимайся, а то потом сажу не отмыть будет даже щёлоком, – по доброму предупредил Аник. Он некоторое время наслаждался состоянием покоя, потом поднялся, достал из шайки веник, отряхнул его на камни, отчего те снова недовольно пшикнули.

– Ну, двигайся давай к краю, – повернулся Аник к гостье. – Будем тебя к нормальной жизни вертать.

Женщина так же покорно, как исполняла все прежние приказания Анемподиста, подвинулась к краю полка, и он начал чудодействовать. Веник в руке Лешего то порхал под самым потолком, заставляя жар опуститься пониже, и тут же прихлопывал его к костлявой спине найдёныша, то шлёпал, медленными шажками подвигаясь от ступней к голове, то снова порхал под потолком и начинал новую пляску по телу.

– Ну, вот теперь и будя, – сказал Аник, сунул веник обратно в шайку. Взял ковшик, почерпнул из кадушки холодной воды и одним махом окатил гостью. От неожиданности та ойкнула и стала подниматься. – Погодь-погодь, не ровён час, шмякнесси. Давай-ко подсоблю.

Анемподист взял гостью на руки, вынес в предбанник, набросил ей на плечи полотенце.

– Ты это, посиди маненько, охолони, а я пока попарюсь.

Он вернулся в баню, закрыл за собой дверь, и через миг камни грозно загрохотали от выплеснутого на них целого ковшика кипятка. И тотчас послышались крепкие хлопки веника по телу, сопровождаемые довольным кряканьем:

– Эх, хорошо-о! Ой, да и ладно! Вот хорошо дак хорошо! Эх, едрёна ма-а-ать!

Под это же бодрое кряканье Анемподист вылил на себя несколько ковшиков холодной воды, вышел в предбанник и сел на лавку, тяжело отдуваясь.

– Эх, кваску бы сейчас! Ну, да ладно, потерпи, счас мы тебя помоем и пойдём и квас пить, и чай с травками.

Немного остывнув, Анемподист распахнул дверь в баню, наладил в шайку воды, добавил щёлоку.

– Так, девонька, давай-ко теперича мыться будем.

Он уже по привычке, не дожидаясь ответа, схватил гостью на руки, чуть не вдвое согнувшись из-за низкой притолоки, занёс в жаркое помещение бани, усадил на лавку.

– Держись, я тебе сейчас голову помою, а то, поди, вшей-то накопилось – тьма тьмушая.

Помыл гостью голову, потом намылил куском хозяйственного мыла, похожего на фронттовую взрывчатку, старую и от того уже мягкую лыковую мочалку и начал натирать всё тело уложенной на широкую лавку отошавшей до невозможности женщины. Собственно, как раз женщину-то в ней Анемподист и не чувствовал, до того она была худа и потому больше похожа на подростка.

Потом помылся сам, наполнил шайку горячей водой, плеснул щёлоку, сложил туда свою одежду для дезинфекции, взял в охапку одетую в материну платье гостью и понёс домой. Усадил за стол, выставил кринку ещё тёплого, с вечернего удоя, молока.

– Ты это, пей давай, поправляйся.

Сам достал из подполья кринку квасу, налил большую глиняную кружку, одним махом опорожнил и снова довольно крякнул.

– Ну, что, девонька, кормить я тебя опасуюсь пока. Давай ишо молочка попей, да будем спать укладываться.

Анемподист уложил гостью на материну кровать, сам прошёл за занавеску и начал было укладываться, как вдруг вспомнил: «Едрёна мать, я же бабу по нужде-то ни разу не сводил!»

Натянул штаны, вышел обратно, прибавил в лампе фитиль:

– Ты это, по нужде-то... пойдём... сношу на двор... негоже терпеть...

Подошёл к кровати, гостья снова безропотно подчинилась. Анемподист усадил её на очко и в нерешительности остановился. Не поддержать, может упасть, и стоять рядом неловко. И самому стыдно, и её смущать неудобно.

– Ты давай сама, я за дверью постою.

Потом Анемподист отнёс гостью в постель, накрыл лёгким одеялом:

– На новом месте приснись жених невесте! – Лёг на свою постель и будто провалился в бездну.

Проснулся от скрипа двери на крыльце. Испуганно выскочил в сени, чтобы опередить Марью, пришедшую доить корову.

– Ой, тьфу на тебя, напугал, окаянный! – вскрикнула Марья. – Ты хоть когда припёрси-то? А то я смотрю, Буян у крыльца хвостом вертит, а тебя и не видно.

– Да умаялся я вчера, спал, как убитый. Ты иди, я сам обряжусь.

– Ну, коли сам дак сам. Я-то тоже сёдни проспала было.

Анемподист взял из рук соседки подойник и пошёл доить свою Марту, приветливо замычавшую при появлении хозяина. Пока Аник доил, Марта благодарно лизала его плечо и вскоре облюбовала весь правый бок. Когда ведро уже почти наполнилось, Леший ещё несколько раз чиркнул тонкими струйками, мягко утопающими в густой молочной пене, потом отлил половину нетерпеливо тычущемуся мордой бычку в корыто, выдолбленное много лет назад из толстой осины. Тот, время от времени громко чавкая, стал жадно глотать вкусное пойло, состоящее из парного молока и нескольких кусочков чёрствого хлеба.

Быстро вылакал свою порцию и кот Барсик. Как себя помнил Аник, в их семье всех котов всегда звали Барсиками, а всех собак Буянами. Этим двум кличкам для домашних любимцев и сам он остался потом верен на всю жизнь.

Анемподист угостил парным молоком и Буяна, а когда открыл дверь в дом, Барсик, было, привычно вспрыгнул на порог, но вдруг распушил хвост, выгнул спину, сердито зашипел и медленно попятился обратно.

– Эк тебя гостья-то наша напугала, – добродушно усмехнулся Аник. – Пойдём-пойдём, знакомиться будем, – но кот, отойдя от входной двери, так и стоял с распушённым хвостом и сердито выгнутой спиной, как это делал всегда при встрече с чужой собакой, готовый в любой момент отразить нападение.

– Что-то не привечает тебя наш Барсик, – сказал Аник гостье, которая лежала под одеялом, высунув из-под него только нос и настороженно немигающие глаза. – Ну, как спалось? Давай-ко, девонька, поднимайся, молоко парное пить будешь, сил набираться. А потом я тебе сготовлю омлет. Печурку вот только затоплю.

Анемподист через марлю процедил в кружку свежего молока, подал гостье. Та взяла обеими руками и, будто обжигаясь, стала пить маленькими глотками.

– Ну, вот и ладно! Вот и хорошо, – снова, будто с ребенком, ласковым голосом проговорил Аник и начал греметь посудой, разливая оставшееся молоко по кринкам и растаплавая устроенную перед устьем русской печи маленькую печурку, которой пользовались только летом.

Вскоре на сковородке уже потрескивали припасённые с зимы солёные свиные ошурки, а потом послышалось шипение вылитой на горячую поверхность смеси молока и яиц.

К столу найдёна прошла своими ногами более-менее твёрдой походкой, поела, выпила ещё полкружки парного молока, повернулась к окну и стала смотреть на незнакомую улицу.

Анемподист думал, что делать. Перво-наперво надо рассказать председателю, решил он наконец, потому что начинать с чего-то всё равно было надо.

– Ты тут посиди в доме, на улице пока не показывайся. Слаба ишо, не ровён час расшибёсси. Да и видок, честно сказать... Отлежаться тебе надо с недельку, в себя прийти. А я пока по делам схожу.

Анемподист собрался, было, домой к председателю, но едва вышел на дорогу, как увидел Ивана Михайловича. Председатель был молодой, из своих, деревенских, но пороху понюхать успел. Призвали его в семнадцать за полгода до окончания войны, но и за эти шесть месяцев

сумел отличиться: единственный из кьяндских получил медаль «За взятие Берлина». Из Германии в эшелоне прокатил через всю страну, чтобы нагнать шороху япошкам, потом проехал обратно наводить порядок на западных территориях, где всю безобразничали бандеровцы. В армии вступил в партию, и когда демобилизовался, в райкоме решили, что лучшей кандидатуры на председательское место им будет не найти. А выборы, в те поры известно, как проходили.

Так и сделался Ванька большим начальником, а потому звать-величать его стали уважительно Иваном Михайловичем.

Он, правда, не заносился, как был простым до войны, так со всеми на равных и остался, но к работе своей относился серьёзно. Отца Лешего – Кенсорина – он хорошо знал, уважал за солидность, за то, что не боялся тяжёлой работы, что с ним, Ванькой, не раз по душам говаривал, чуя его рассудительность и крестьянскую сметку. И в своей должности Иван Михайлович постоянно спрашивал себя, а как бы поступил в таком случае дядя Кенсорин.

Иван Михайлович сел на недавно заменённый чуть не в два обхвата толщиной столб отвода, достал кiset, стал не из куска газеты, а специально нарезанной для этого бумаги, пачку которой купил в районе, сворачивать самокрутку. Нутром чуя, что разговор предстоит деловой, спросил вполне официально:

– Ну, что там у тебя, Анемподист Кенсоринович?

Аник ещё утром решил, что расскажет председателю всё без утайки, чтобы вместе подумать, как быть в такой непростой ситуации. Единственно, о чём он решил умолчать, так это о ночном визитёре, который являлся в лесную избушку то ли наяву, то ли во сне.

Выложил всё как есть, что нашёл в избушке изголодавшую бродяжку, отпоил её, принёс домой, отмыл в бане, теперь она у него в избе набирается сил. Что за четверо суток не проронила она ни единого слова, хотя не глухонемая. Немтыри, те ведь не слышат, а эта всё понимает, только не говорит. Ни имени своего, ни откуда родом.

– Да, братец ты мой, загадал ты загадку. – Иван Михайлович сделал затяжку, долго держал дым внутри и только потом стал медленной струйкой выдыхать его через широко раскрытые ноздри. – Повезло тебе, ничего не скажешь... Хорошо, что времена сейчас не те... Раньше бы канители не убраться... Ешшо бы и в шпионаже её могли обвинить, а тебя в пособничестве. И не смотри, што тут шпионить нечево. А вот как в наши края недоступные попала? Ить на парашюте только и могла спрыгнуть. Ладно, я на той неделе в район поеду, переговорю в органах. Мужик там теперича вроде нормальный, из фронтовиков, обсудим. Может, её где родные обыскались уже, дак и голову ломать не надо. А нет, дак будем документы выправлять. А пока надо што-то придумать. И ты это, на деревне-то пока не говори никому.

– Может, сказать, что она из ленинградских блокадниц? Они же все худые.

– Ишь ты хватил куда! Блокада-то когда снята! Што, до сих пор её не кормили?

– Тогда, может, сказать, что богомолка? Пришла, мол, в Ферাপонтово, в монастырь. А он, сказывают, закрыт давно. Вот и побрела куда глаза глядят. Так в наши края и забубенила.

– Через болото? Да там, кроме тебя, и дороги никто не знает, чтобы не потонуть.

– И то верно! Только она же блажная, а блажные, эти как скотина не умом, а нутром всё чувуют. Эти любую топь обойдут.

– Блажная? Ну, иди показывай свою блажную...

Иван Михайлович поднялся с толстенного брёвна, отряхнул штаны от налипших травинок, подтянул голенища до блеска начищенных сапог.

Анемподист, всё это время стоявший перед председателем, как нашкодивший школьник, повернулся почти по-военному, и мужики направились в сторону стоящего на отшибе дома Лешего.

– Вот гостя к нам привёл, – отрекомендовал Аник председателя женщине, сидящей у окна в той же позе, что и за завтраком. Но пока Анемподист ходил и беседовал с председателем,

она успела найти платок и аккуратно повязать им голову. Найдёна повернулась к вошедшим, чёрные глаза будто пробуравили председателя. Он от этого взгляда даже поёжился. Сел к столу.

– Ты бы, Анемподист Кенсоринович, хоть самовар поставил. Чаем угостил, а то я уже часа три как на ногах.

– Это мы запросто, – откликнулся хозяин, догадавшись, что Иван Михайлович хочет остаться с гостьей с глазу на глаз.

– Ну, давай знакомиться, красавица. Меня зовут Иван Михайлович. Я тут председателем. А твоё имя как?

Найдёна повернулась к председателю, и только этим движением головы проявила к нему свой интерес. На её лице не дрогнул ни один мускул.

– Дак чево молчишь-то? Я, может, невесту ищу, познакомиться хочу, а ты не откликаешься.

Гостья ещё раз внимательно посмотрела своими бездонными глазами прямо в переносицу председателю, и он снова почувствовал, как по спине пополз предательский холодок. Такой он помнил только на фронте, появлявшийся за миг до того, как по команде выскочить из окопа и побежать в атаку на неприятеля.

– Ну, и взгляд у тебя! Прямо как у цыганки. А ты, случаем, не от табора отбилась? У нас тут под весну табор проезжал. Всем нашим бабам судьбу нагадали, и мне, между прочим, обещали скорую женитьбу. Эх, отобью я тебя у Аника. Слышь, Анемподист Кенсоринович, отобью я у тебя невесту-то. Право слово, отобью красавицу.

Но красавица шуточный разговор не приняла и снова уставилась в окно.

– Ладно, Анемподист Кенсоринович, пойду я.

– А чай? Ты же чаю хотел?

– Да ладно, в другой раз попьём. Нелюб я твоей красавице. Вы уж с ней тут вдвоём чаёвничайте. – Повернулся к найдёне: – Ты пока из дому-то на деревню не ходи. Пообживись маненько.

Через четыре дня Иван Михайлович вернулся из района и наутро зашёл к Лешему. Мужики сели на завалинку и вполголоса заговорили.

– Ну, что твоя гостья? Всё молчит?

– Молчит...

– И в районе молчат. Не пропал никто, понимаешь. В соседние районы запросы отправили, может, там кто исчез. Так что ты пока привечай гостью-то свою. Как хоть звать-то её?

– Дак кто бы и знал!

– Негоже человеку без имени жить. Может, у неё болесь какая, што память отшибло? Бывает ведь. Вон при контузии на фронте зачастую так было.

– Дак то на фронте. Чем её в лесу-то контузить могло?

– Со страху, может, речи лишилась. А может, и память потеряла тоже со страху. Мало ли, медведя встретила или ишо ково. Да если и заблудилась, мало не покажется. Это сколько надо было по лесу шарашиться, штобы этак отоцать?! Как хоть к ней обращаисси-то?

– Дак Найдёной и зову.

– Найдёной? Дак, может, Настёной лучше? Всё в память о твоей матушке.

На том и порешили. И стала гостья с благословения председательского Анастасией, то есть Настёной.

Недели через две девка совсем оклемалась, щёки налились румянцем, она норовила помочь Анику по хозяйству, но силы были ещё не те, и всё буквально валилось из рук. Тем не менее она перешла два платья под свой размер, навела в избе чистоту, уже не забивалась пугливо в угол при появлении Аника, накрывала на стол нехитрую деревенскую снедь и постепенно взяла на себя всю женскую работу. Но едва попыталась управляться и со скотиной, как столкнулась с проблемой. Барсик всё это время в дом так и не заходил, при виде Настёны вся-

кий раз делал хвост ёжиком и начинал шипеть, а стоило госте выйти на крыльцо двора, корова испуганно отходила к хлеву, прикрывала телёнка, сердито мотала головой и недвусмысленно выставляла вперёд свои крутые рога.

Потом как-то Аник услышал вечером на дворе незнакомый женский голос:

– Ты моя хорошая! Не бойся, моя милая! Я тебе ничего плохого не сделаю...

Голос говорил ещё что-то, но уже шёпотом. Аник прошёл в дом, и поскольку Настёны не обнаружил, разговаривать на дворе, кроме неё, никто не мог. Зашла она совсем скоро, молча посидела на лавке и пошла спать, задёрнув за собой занавеску.

Наутро Настёна встала раньше Аника, первым делом взяла подойник и вышла во двор. Корова встретила её радостным мычанием, чем немало удивила Лешего. А когда гостья вошла после дойки в избу, весь её правый бок был мокрым от коровьих лизаний. Так она проявляла свои нежные чувства только к матери Лешего да к нему самому. Кто бы из соседей ни приходил обряжаться во время отлучек Аника, не достаивался даже единого касания мордой.

– Ну, вот и сладилось у вас с Мартой, – заулыбался Анемподист.

Настёна тоже краешком губ улыбнулась ему в ответ, поставила подойник на стол и пошла выгонять корову в стадо. Анемподист отправился следом, чтобы самому отвечать на расспросы соседок.

О том, что Анемподист привёл в дом девку, в тот же день узнала вся Кьянда. Это стало главной и основной новостью и темой для пересудов. Люди выспрашивали друг у друга, кто такая, откуда, сколько лет, расписались ли уже в сельсовете, будет ли свадьба, ведь мать-то совсем недавно прибралась, хоть бы полгода погодил. Но поскольку никто ничего не знал, догадки росли, как снежный ком, и плодились всяческими предположениями. Ничего сказать не могла даже старая матерщинница Кирилловна, сельсоветская сторожиха и уборщица, которая всегда располагала самыми точными официальными сплетнями, поскольку всё время сидела в своей комнатухе и через фанерчатую заборку слышала все разговоры, даже если председатель переходил на шёпот.

Про новенькую в сельсовете не говорили ни слова. И когда под вечер по дороге на выгон встречать стадо Марья с Евдокией заглянули к Кирилловне, она достала из большого кармана своего цветастого халата железную баночку из-под осьмушки индийского чая, взяла пожелтевшими пальцами щепотку мелко толчёной махорки, втянула одной ноздрёй, потом второй, долго принаровлялась и начала с удовольствием чихать.

Когда её громкое «Апчхи!» прозвучало раз двадцать, сторожиха натёрла махоркой дёсна, закрыла коробочку, положила её обратно в бездонный карман и театрально развела руками:

– А не знаю, бабоньки! Хоть режьте меня, ничто не знаю!

Тут из кабинета своего Иван Михайлович нарисовался, вежливо ответил на приветствие, а когда бабы начали спрашивать, насовсем к Анемподисту девка-то пожаловала али в гости, он, занятый какими-то правительственными думами, только отмахнулся:

– А время покажет. Забижать не станете, дак, может, и насовсем. Нам тут девки нужны, пацанов рожать надо, вон сколько мужиков с войны-то не вернулось.

Но рожать у новенькой не получилось. Через месяц она совсем оклемалась, превратилась в справную такую деваху, но с деревенскими сходилась тяжело, потому что оставалась нелюдимою. А ещё пугали народ её чёрные глаза – таких на Кьянде отродясь ни у кого не видывали, кроме как у заезжавших каждый год по зиме нахальных и шумных цыганок, что легко выманивали у доверчивых баб последнее.

Из-за пронзительного взгляда новенькой поползли слухи, что, не ровён час, колдовскими чарами Настёна владеет, иначе как бы смогла захомутать такого справного парня, который вообще на баб внимания не обращал за все годы, как с фронта вернулся.

И не только девки сохли по завидному работающему жениху. И опытные в делах соблазна, изголодавшиеся по мужику вдовушки подкатывали, и подговорённые опытные свахи

с ним издалека разговор на тему женитьбы не раз заводили, а всё без толку. И тут нате вам, невесть откуда взялась краля и захомутала. Да ладно бы разбитная была да развесёлая, а то скромница, какой свет не видывал, слова сказать по-людски не может. Всё молчком да молчком.

И невдомёк деревенским было, что и у Аника с гостьей не ладится. Чурается она его, и что спят порознь, хоть в баню и вместе ходят. Но баня-то в деревне, известно, не для плотских утех. Издавна повелось, что и соседи семьями вместе парятся. Эка невидаль!

Но Анемподист с каждой субботой, когда все деревенские бани топят, стал отмечать, что тело Найдёны наливается соком, что становится она всё справнее и справнее. И кости уже мясцом обросли, и грудки округлились. Одним словом, уже не на подростка стала похожа, какой он её из лесу принёс, а на вполне оформившуюся молодку.

И вот снова банный день по всем деревням. Аник опять гостью как следует попарил берёзовым веником с добавленными в него можжевельновыми ветками от нечистой силы, спинку лыковой мочалкой натёр, ополоснул и, отсылая в предбанник, шлепнул по округлившейся попке, потом сам как следует напарился с охами да кряхтеньем, холодной водой окатился, на лавке полежал, ещё веничком побаловался, помылся и, как заново народившийся, домой пошёл. А там уже самовар на столе шумит, и Настёна, раскрасневшаяся от бани, у стола сидит, подбородком на ручки оперлась, хозяйина ждёт.

– Ой, как хорошо-то! – оторопел Аник, потому что обычно после бани гостя сразу же укладывалась в постель и задёргивала занавеску.

Настёна взяла чашки, сняла с конфорки заварник с запаренными листьями чёрной смородины и мяты и стала наливать чай.

Анемподист отлил из чашки в блюдечко, подул на него и с присвистом, смакуя, начал глотать обжигающий напиток. Выпил первую чашку, подвинул Настёне. Та молча наполнила и подала обратно.

– Дак ты это, чё всё молчишь-то? С коровой разговариваешь, а со мной молчишь.

– Боюсь я тебя...

– Вот те на! – встрепенулся Леший. – Это за што ты меня боисси-то?

– Не знаю... Сила в тебе какая-то непонятная... Страшно мне... – еле слышно ответила Настёна и опустила взор, разглядывая чашку.

– Не-е-ет, в лесу одной не страшно было, а со мной ей страшно, – недоумённо, будто сам с собой, заговорил Анемподист. – Я тебя што, обидел чем? Напугал? Слово нехорошее хоть раз сказал?

– Не-ет, просто ты такой сильный, что мне с тобой рядом страшно.

– Дак чем же это я тебе так страшен-то?

– Не знаю... Духом своим сильным... ты же не боишься ничего, и мне от этого страшно делается.

– Ладно, ты мне вот што скажи. Мужняя ты? Или в девках ишшо ходишь? Ежели мужняя, я тебя и сам не трону, и другим в обиду не дам, а коли в девках, дак чево бы нам вмистях-то не жить?

– Да не знаю я ничего про себя. Мне страшно, что я совсем-совсем ничего про себя не помню. Даже как в лесу оказалась, не знаю.

– Дак ты хоть где жила-то? Имя-то твоё как? – начал допытываться Анемподист, обрадованный, что наконец-то заговорила с ним нежданная гостя из дремучего леса.

– Ничегошеньки-то я не помню...

– Ну, ладно, может ишшо и вспомнишь чево... Ты, главно дело, не боись. Всё путём наладится.

Эту ночь они впервые спали на одной постели. Анемподист бережно обнимал девушку, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть неожиданное своё счастье, которое так доверчиво прижималось к нему и мирно посапывало, дыша ему куда-то за ухо.

Наутро Настёна чувствовала себя в доме полноправной хозяйкой. Аник налюбоваться не мог, как расцвела за ночь девушка, как совершенно иначе засияли её бездонные глаза, пугающие деревенских своей чернотой, не привычной для этих мест, куда столетиями не заходили никакие кареглазые да черноглазые завоеватели.

И хоть люди на Кьянде по натуре своей были добрыми, найдёну встретили настороженно. Особенно баб пугал её колдовской взгляд, от которого многим становилось не по себе, а потому провоцировал разные пересуды. Может, со временем эти досужие разговоры и умолкли бы, не потеряйся у Окулины корова с телёнком.

Такое бывало и раньше чуть не каждый год. Бессменный пастух Михеич, что каждое утро будил все четыре деревни Першинской стороны своим голосистым рожком, собирая стадо, только разводил руками и многозначительно шептал: «Хозяин леса к себе забрал...»

Это был веский аргумент, потому что хозяина леса боялись все. По грибы – по ягоды поодиночке не ходили, чтобы не закружил, в лесу не чертыхались и, упаси бог, чтобы про лешего кто хоть слово молвил. В Бога, закрыв церковь и отобрав неспрятанные вовремя иконы, советская власть верить отучила, а вот вера в нечистую силу в народе осталась. Да и как было иначе, ежели каждый год брал Он, как многозначительно называли в народе Хозяина, то корову, то овцематку. Бывало, и молодые бабы пропадали бесследно. И велось так с незапамятных времён.

Когда колхозы создавать стали, пошли было разговоры, что где-то богатеи один то ли с семьёй своей, то ли с такими же несогласными с объявленной коллективизацией в леса подались. Будто бы от властей так хоронились, что даже до непроходимых кьяндских краёв добрались и где-то тут обосновались. И дело дошло до того, что по первопутку, когда болота морозом сковало и снег свежий выпал, целый конный отряд органы направили на выяснение обстоятельств.

Да-а! Две недели тогда военные с винтовками по лесам на конях рыскали, все просеки проверили, по всем тропам проехали, но, кроме звериных, никаких других следов или признаков обитания людей за пределами означенных документами населённых пунктов не обнаружили, о чём в рапорте командир потом и докладывал своему начальству.

Только ведь Хозяин, известное дело, следов не оставляет, и потому официальные рапорты военных веру в народе о тайных силах бескрайнего леса не поколебали. А уж когда через несколько лет после войны, в самом начале зимы, в Носове и Неумоевке всю ночь собаки с ума сходили, а наутро мужики увидели босые человеческие следы размером больше, чем подшитые вырезанными из старых голенищ и стёгаными дратвой стельками валенки Олёхи Безрукова, для которого каталь делал специальные колодки, в нечистую силу, что живёт где-то на болотах, поверили все. Даже члены партии.

Вот на эту нечистую силу безропотно и списывали всё, что происходило при необъяснимых обстоятельствах. Но Настёна была на Кьянде человеком новым, про Хозяина ничего не знала, а как услышала, что убивается Окулина по своей пропавшей скотине, молча отправилась в лес, когда солнце уже краем касалось верхушек столетних елей. Никто этого даже не заметил, а только через час, в то время как уже всю беззвучно шныряли в сумерках летучие мыши, сидящая у отвода в ожидании своей кормилицы Окулина увидела идущую от леса Настёну, за которой покорно брела её родимая Ласточка.

Баба от радости даже поблагодарить девку забыла, бросилась обнимать свою милую животину, а когда опомнилась, новенькой и след простыл.

– Вот же нашёл себе Леший под стать, – заговорили после этого загадочного случая. И всё пытались вызнать, где отыскал себе такую жену их нелюдимый Анемподист, мастер на все руки

и самый удачливый в округе рыбак и охотник. Но тайна эта так и оставалась неразгаданной, чего в истории Кьянды раньше не случалось.

Тут знали всё и про всех. И кто кому ребёнка смастерил, и у кого с кем дело было, даже если никто за этим и не застукал. Все на виду, ни от кого никак не скроешься, и любая тайна, которую знают хотя бы двое, тайной перестаёт быть очень скоро.

Настёна – другой коленкор. Про неё, кроме Аника да Ивана Михайловича, не знал никто и ничего. Даже она сама так и не могла вспомнить ничего из своей прежней жизни. Не могла или не хотела. А два фронтовика тайну хранили пуце военной.

По осени Иван Михайлович справил Настёне новые документы, будто бы взамен утраченных при пожаре. И стала найдёна Анастасией Ивановной Найдёновой. С этими своими новыми документами она и расписалась в сельсовете с Анемподистом Кенсориновичем. Свадьбу сыграли отменную! И стали молодые жить-поживать да детей поджидать.

Только вот с детьми не сладилось. Видно, что-то испортилось в организме молодой женщины от долгих лесных скитаний. А может, от того страху, что натерпелась бедолага, пока не нашёл её Анемподист в лесной избушке, про которую она постаралась забыть, а Леший во время обходов территории норовил обогнуть стороной. Но и про избушку ту и как очутилась Настёна на Кьянде, знали только они двое да председатель, который умел хранить чужие секреты, потому что своих было хоть отбавляй. Но его личные секреты очень скоро становились темой досужих пересудов всех кьяндских баб. Особенно после его женитьбы, которая не смогла напрочь приковать к одной только своей супружеской кровати. Нередко доводилось ему, потному от усердия, подниматься и с чужих перин.

Глава 7. Перепряг

«Ох, не зря бабы судачат, – подумал Анемподист, когда едва вышел с просеки на луговину и увидел стоящую за Лидкиными огородами упряжку Ивана Михайловича. – Ежели бы по сельсоветской надобности, так на дороге у калитки бы и оставил, а раз от людей прячется, значит, и вправду по надобности кобелиной».

И Леший направился прямо через луг к деревне. Линия дальше шла по открытой местности, так что шагать по высокой траве нужды не было. По пути к крайней избе, в которой Лидия жила вдовой после того, как после сильной простуды умер её муж Федот, Анемподист лихорадочно думал, какую бы учинить председателю шутку.

– Может, колёса с его таратайки снять и в крапиве спрятать? Мысль была свежей, но розыгрыш получался недобрым. Эта таратайка, так её называли все жители урочища, была своего рода достопримечательностью. Невесть сколько лет валялась она за кузней, пока однажды не наткнулся на неё взгляд председателя колхоза Ивана Степановича. Перед началом сенокоса завернул он в кузницу поторопить Степана с ремонтом сенокосилки, завернул по малой нужде за угол и увидел остов давно всеми забытой двуколки. Тотчас придумал, какой подарок сделать Ивану Михайловичу на именины.

Тут же забыв про сенокосилку, начал объяснять Фёдору, что и как надо сделать для обеспечения председателя сельсовета транспортным средством.

Тот идею понял сразу.

– Да не гомонись ты, Иван Степанович! Сделаю всё в лучшем виде. Даже на рессоры поставлю, чтобы мягче ход был. У меня вон сто лет две рессорины валяются. Сам не знаю, от какого механизма. Я отродясь таких при деле не видел, ещё от Матвейча остались.

Так на именины председатель сельсовета получил в подарок от колхоза удобную для разъездов по деревням двуколку. Запрягал в неё Иван Михайлович неторопкую старую кобылу Зорьку, которая ни для чего больше в хозяйстве не годилась, и уже внесена была в список отбраковки для выполнения плана по сдаче государству мяса.

Иван Михайлович отреставрированному золотыми руками Фёдора подарку рад был несказанно, чего не скажешь про Зорьку, которой на старости лет приходилось теперь вставать в оглобли и таскать по деревенским дорогам дребезжащую на ухабах двуколку с восседающим в ней председателем. А с наступлением зимы, когда тележку ставили под навес возле конюшни, стал Иван Михайлович разъезжать по своим сельсоветским надобностям в кошёвке с высокой спинкой. И снова вместо отдыха приходилось Зорьке лёгкой рысью, а чаще всего неторопливым шагом возить председателя.

За свои долгие годы она хорошо изучила все деревенские дороги и безошибочно доставляла возницу к его дому, даже если сам он мирно спал после хоть и бесхитростного, но обильного угощения за нужную справку.

В этих поездках самым нудным для Зорьки было долгое ожидание председателя. Ей бы прилечь на старости лет, вытянуть усталые ноги, но проклятые оглобли такой блажи не позволяли, когда председатель уходил в дом только на пять минут, о чём каждый раз говорил кобыле, похлопывая её по шее и набрасывая вожжи на колья изгороди. Но у людей и лошадей время текло, видать, по-разному, потому что, как себя помнила Зорька, хоть в часах она и не разбиралась, минуты эти всегда были очень длинными.

От долгого стояния она то и дело переступала с ноги на ногу, то от безделья ковыряла копытами землю или смотрела, как прыгают по траве вдоль огорода серо-зелёные кузнечики или неторопливо ползают по длинным листьям осота по каким-то своим непостижимым для лошадиного ума делам божьи коровки.

Вот и на этот раз отлучка возницы бессовестно затягивалась. Уже вся трава в диаметре длинных ременных вожжей была выщипана и истоптана, а председатель всё не приходил. Зорька нетерпеливо поглядывала в сторону дома, где скрылся хозяин, от недовольства даже фыркала и несколько раз негромко выдавала своё «иго-го!», намекая, что пора бы и домой собираться, но никто к повозке не шёл.

Между тем летнее солнце уже засобиралось на ночлег, притуляясь опуститься за островерхие ёлки стоящего за деревней леса. А это значит, что домой добираться придётся в сумерках, чего кобыла очень не любила, поскольку острота зрения уже была не той, что в молодости, а из-за слепоты на вроде бы знакомой дороге приходилось то и дело то оступаться, то спотыкаться, вызывая недовольство добрейшей души ездока.

Особенно не любила Зорька в темноте шагать через перелесок, что начинался сразу за Дерюгино. Там на полпути, у почти пересохшего Чёрного ручья, её всегда тревожило что-то непонятное, заставляя ускорять шаг и добровольно переходить на рысь. Никогда Зорька не встречала там ни медвежьих следов, не чуяла какого другого зверя, но непонятный страх всякий раз пробирался внутрь, будоража и пугая.

И когда надежды на скорое возвращение домой совсем уже иссякли, Зорька увидела подходящего к ней Анемподиста. Она хорошо его знала, потому что не раз до того, как стала председательской, отряжали её таскать столбы вдоль телефонной просеки. Кобыла обрадовалась Лешему и негромко приветствовала его коротким ржанием, повернув опутанную ремнями уздечки морду к подходящему человеку.

Анемподист погладил по загривку кобылу, истомившуюся долгим ожиданием хозяина, о чём говорила истоптанная у изгороди трава, и начал распрягать лошадь. Рассупонил, распустил хомут, снял дугу, освободил оглобли и повёл Зорьку вдоль огорода. Лошадь ничего не могла понять, когда, ведя её под уздцы, Леший обогнул изгородь и привел к тому же самому месту, только с другой стороны огорода. Просунул оглобли сквозь жерди, снова запряг Зорьку в двуколку, похлопал её по крупу и пошёл дальше своей дорогой.

Вскоре от дома появился и председатель. Он долго ходил возле Зорьки, хмельной головой старясь понять, как умудрилась лошадь встать таким образом, что сама оказалась на одной стороне изгороди, а двуколка – на другой.

– Эх ты, бедная моя Зоренька! – приговаривал он. – Вон как заждалась распутного хозяина, как на паутах билась! Да как же ты умудрилась так в забор-то просунуться? Ой ты, бедолага моя, щас мы с тобой тут разберёмся...

Но разбирался Иван Михайлович долго, пока в его хмельную голову не пришло-таки осознание того, что как ни крути, а придётся лошадь перепрягать. Этот добрый по натуре человек так и не смог даже предположить, что не лошадь виновата, а просто столкнулся он в очередной раз с проделками Лешего.

Глава 8. По муромской дорожке

По муромской дорожке стояли три сосны,
Прощался со мной милый до будущей весны.
Прощался со мной милый до будущей весны.
Он клялся и божился одной лишь мною жить,
На дальней на сторонке одну меня любить.

– На дальней на сторонке одну меня любить... Ой, девки, не поётся што-то сёдни. – Баба Лёля отодвинула от края стола чашку. – Не с Коленькой ли што случилось? Чует сердце беду.

– Ой, да ладно тебе, Лёлька, душу-то рвать. Не малец грудной. Здоровый мужик, при семье да при детях. Он ить всего-то чуток моего моложе, а мой-то уж дедушка.

– Правнучку-то, Аннушка, на лето не привезут к тебе свежим козым молочком отпаивать?

– Дак чё её отпаивать? Поди, не больна кака.

– Дак ведь пользительно бы летом-то на свежем воздухе. Не то што в городе.

– Да писал Васька-та, што больно охота бы привезти, да бояться на моторке по озеру: не простудить бы дитя малое.

И она, в который уже раз за последние две недели, как получила из города письмо, полезла в карман халата за бережно завернутым в газету конвертом показывать карточку правнучки.

Ефросинья взяла с комода очки со сломанной дужкой, долго прилаживала их на переносице, так и этак поправляя привязанный кусок резинки от старых трусов, остатками которых вытирала кухонный столик. Наконец, приладила окуляры с давно исцарапанными стеклами, через которые видела вряд ли лучше, чем без них, под села к окошку и больше из вежливости, чем из любопытства, поди, уже в десятый раз начала изучать изображение укутанного в пелёнки ребёнка.

– А нос-то, Аннушка, твой, ишь кака курнося, – не в первый уже раз говорила Ефросинья, желая потрафить товарке. – Твоя порода.

– Дак эть известно дело. Нечужие, чай!

Минут пять Ефросинья вертела снимок, поворачивая его к свету и отыскивая новые и новые черты сходства ребёнка и своей закадычной подружки, потом передала фото Аннушке:

– Девки, я самовар заново поставлю, а то уж давно и шуметь перестал.

Анна протянула фотографию бабе Лёле:

– Лёлька, а погляди, эть и вправду нос-от у правнучки мой, курносенький.

– Да твой, твой, не нагулянный. Лариска-то у тебя девка скромная. Кажинное лето на каникулы наежжала, дак, помню, никово из парней до себя не допускала. Всегда домой с девками шла, не то што некоторые шалавы. Сами знаете, про ково. Так и норовили любому под вернуть. Не смотрели, што мужики женатые.

И бабы стали горячо обсуждать, как лонись на троицу Дарьину внучку, Маринку, оттрепала за волосы Верка, когда застала за крыльцом в обнимку со своим Валеркой и как потом Маринка крутила задом перед Степаном, хоть и был тот вдвое старше шалопутной городской гулёны. Товарки стали было вспоминать и другие примеры распутного поведения Маринки, деликатно обходя стороной случай, когда будто бы и Лёлькиному Коленьке довелось поклевать этого сладкого пирога, но с улицы послышалось: «По муромской дорожке...» Это возвращаясь домой, жутко фальшивя под аккомпанемент своей брэнчащей таратайки, горланил Иван Михайлович, исполняя свою любимую песню.

– Иван Михайлович-то опять выпимши едет, – тяжело вздохнула Ефросинья. – Бедная баба! С этакой оравой одна справляется.

– Работа у него нервная, – заступилась было по доброте душевной за председателя Лёлька. – Вон, говорят, по телефонуто из райёну звонят кажинную неделю, всё стружку снимают. То отчета нету, то со страховкой беда, то ишо какую провинность выдумают. Как тут мужику не выпить?

– Да сами и наливаем, – поддакнула Аннушка.

– Ой, девки, я чё-то совсем забыла. У меня же с того лета наливка в подполе есть. Я счас. Мигом!

Ефросинья суетливо засемила на кухню, откинула крышку подпола, грузно через узкий лаз, ставший тесноватым для её располневшей фигуры, начала спускаться по ступенькам.

Ещё через минуту над полом показалась украшенная густой паутиной голова:

– Девки, принимайте!

Аннушка подхватила из рук товарки запыленную трехлитровую банку с пластмассовой крышкой, поставила её на стол и начала обтирать ещё прошлогоднюю пыль, что толстым слоем обволокла тёмное стекло с сохранившейся наклейкой: «Сок гранатовый. Натуральный».

– Девка, а ты не перепутала чё? – повернулась Аннушка к сидящей на краю подпола Ефросинье. – Тут про сок написано, да и цвет уж больно яркой.

– Да не бойсь, не перепутала. Это мне о прошлом годе банку соку гости привезли. Будто другого гостинца не могли найти. Соку накупили, говорят, для крови пользительно. А сами и выпили, потому как эдакой кислятины я и глотка не осилила.

Ефросинья взяла обтертую мокрой тряпкой банку, отнесла в горницу на стол.

– Ну-ка, девки, помогите крышку снять.

Втроём кое-как отколупнули затвердевшую крышку, и по дому начал разливаться аромат свежей малины с привкусом терпкого запаха спиртного. Ефросинья прямо из банки стала наливать в гранёные стаканы ярко-алую жидкость.

– Нет, девки, как хотите, а я пить не буду, – запротестовала Лёлька. – У меня и так голова кружится.

– Дак ты хоть ягодок поешь, – начала потчевать хозяйка.

– Ну, ягодок надоставай на блюдечко. Ягодок поем немного, а то свежих ишо ждуть да ждуть. Да и доведётся ли ноне в лес сходить, ноги-то уж совсем худые стали.

– Опять ты про болезни! – отмахнулась Аннушка. – У ково тут их нету? Да терпим, не плачимся.

– Нет, девки, правда-правда, ноги-то по вечерам уж пухнуть стали.

– А ты бы картошки ишо поболее посадила, дак, глядишь, и совсем в борозде окочуришься. Вон опять всю неделю окучивала да полола. Тут крепкие ноги надо. Да и голова немудрено, што кружится. Внаклонку-то на жаре целыми днями.

– Да ладно вам, девки, опять про болезни. Давайте за здоровье! – Ефросинья подняла наполовину наполненный гранёный стакан с малиновым напитком и стала отпивать маленькими глоточками.

– Ой, сладко-то как, девки! Я всё боялась, что прокиснет, хотела водочки подлить, чтобы закрепить, да забыла. Совсем памяти нету. А не прокисло, гляди-ко ты! Ой, как вкусно-о!

– А и правда, девки, – отпила глоток Аннушка. – Ты, Лёлька, попробуй.

– Нет, я только ягодок поем, – заотнекивалась по-прежнему Лёлька, взяла чайную ложечку и начала есть с блюдца совсем не потерявшие вид крупные ягоды малины.

Пока бабы пробовали наливку, самовар вскипел и сердито начал пыхать, выдувать горячие клубы через неплотно сидящую с одной стороны крышку, позвякивать маленьким, похожим на крохотный церковный купол колпачком.

Ефросинья подбежала, сняла трубу, ополоснула кипятком заварной чайник, насыпала в него из сохранившейся с незапамятных времен железной коробочки из-под индийского чая свежей заварки. Из берестяного ларчика добавила для здоровья травок, надела на трубу конфорку и поставила на неё заварник, подогреваемый снизу теплом горящих углей.

Пока заваривался чай, товарки допили содержимое стаканов и наполнили их снова. Их лица разругались, помолодели, и даже глубокие морщины, избороздившие щёки и лоб за годы работы на морозе и на ветру, будто бы немного разгладились. Когда дошла очередь до чая с испечёнными утром пирогами, бабы уже были изрядно навеселе. И даже Лёлька, которая только ела пропитанные наливкой ягоды, захмелела не меньше своих товарок. Ефросинья, несмотря на шумный протест подружек, ополоснула чашки и блюдечки, поставила их на полку, а на стол подала чистые и сухие из посудника, принесла самовар, устроила его на большой чёрный поднос с крупными красными цветами и стала разливать чай.

– Тебе, Аннушка, покрепче?

– А мне теперь уж всё равно какой! Девки, я совсем захмелела! Как домой дойду?

– Дак и я с ягод-то совсем пьяная сижу, – самокритично заверила Лёлька.

Тебе-то, Аннушка, только лужайку перейти, а мне через поле добираться.

– Дак ты ночуй у меня, – пригласила Ефросинья. – Чё тебе дома-то делать? Не скотину и обрывать.

– Ой нет, девки, в гостях-то хорошо, а дома лучше. Уж добреду потихоньку.

Ефросинья отодвинула блюдце с недопитым чаем:

– А давайте, девки, споём! – И не дожидаясь ответа, затянула любимую: – По муромской дорожке стояли три сосны, со мной прошшалси милой до будущшой весны.

– Прошшалси со мной милый до будущшой весны, – подхватили товарки. – Он клялси и божилси одной лишь мною жить, на дальней на сторо-о-онке одну миня любить.

Удивительно похожи были судьбы этих подруг. Все они рано овдовели, и никуда их милые не уезжали, ни из каких дальних краёв не привозили красавиц-супостаток, а сгнули в родных краях совсем ещё молодыми и полными сил. Ефросинья тоже, как Лёлька, нагуляла своего младшого, когда перевалило за сорок. И хоть в деревне все и про всё знали, Фроськина тайна так тайной и осталась. И на Евгена грешили было, да отмели эти предположения, потому что у него и дома, и на стороне только девки получались, а у Фроськи случился сын. И на Лешего думали, но парень рос с белыми, как ржаная солома, волосами, а у Анемподиста даже к старости кое-где побитая сединой шевелюра была дегтярного цвета. Про других мужиков говаривали, но баба только отмахивалась, а досужие разговоры о предполагаемых леваках прерывались их жёнами, даже в мыслях не допускавшими от своих мужей такой вероломности.

У Аннушки муж сгинул в озере. Поехал сетки пагровать да так и не вернулся. Лодку без вёсел потом нашли опрокинутой волнами, а рыбак бесследно пропал. В конце лета наткнулись мужики на разопревшие в воде останки какого-то утопленника, но был то Андрюха или смытый волной тобик-плотогон с буксируемой по озеру гонки, опознать было нельзя. Тобиков этих кажинное лето топло по несколько. Но похоронили останки честь по чести, и Аннушка за могилкой ухаживала старательно, хоть сердцем и не чувствовала близости с покойником. Но чувствовала или нет, а негоже быть вдовой без места на погосте, за которым не ухаживать. Да и на табличке на кресте написано было, что это муж её покоится под аккуратным земляным холмиком.

Пока пели свою любимую, самовар шуметь снова перестал, а только время от времени попискивал ещё теплившимися в трубе угольками.

– Я у ворот стояла, когда он проежал, Миня в толпе народа он взглядом отыскал. Миня в толпе наро-о-ода он взгля-адом отыскал. Увидел мои слё-о-озы, главу на грудь склонил, Он по-онял – моё се-ердце навеки он сгубил.

– Ой, девки, што-то мы совсем раскисли, – заговорила Ефросинья. – А давайте для веселья ишо по стаканчику.

– Нет-нет, – запротестовала Аннушка. – У миня ишо коза не доена. Обряжаться надо.

– Дақ этъ выливать жалко, а так всё одно прокиснет.

– Вон Лёльке налей, она ишо не пила и сидит трезвёхонька.

– Нет, девки, я и с ягод-то совсем хмельная сижу. Ишо маленько посижу, да пора и домой собираться. Вон уж солнце-то как низко опустилось. Скоро и темнать начнёт. Как потом через поле идти?

– Гледи, ишо сначильничает кто в сумерках-то, – хохотнула Аннушка, и товарки во весь голос рассмеялись.

– Да уж нас типерь насильничают...

– Не забеременеть бы только...

Подружки вдоволь посмеялись, допили уже почти остывший чай и стали суетливо собираться по домам.

– Давай, Фросенька, помогу со стола убрать, – предложила Аннушка.

– Да иди уж, помошница. Што я, сама три чашки не помою?

– Ну дақ и пойдём в одну дверь, – предложила Лёлька. – Спасибо тебе, Фросинька за угощение, за пироги. И ты, Аннушка, детушкам-то будешь отписывать, дақ от миня поклон передавай. Скажи, помнит баба Лёля, завсегда за сына родного привечала. Они с Коленькой-то до армии ой как дружили.

Здоровья им крепкого. А коли надумают приехать, дақ я всегда буду рада, ежели в гости зайдут.

И разошлись бабы по домам.

Каждая – к своему одиночеству.

Глава 9. За сеном

Колёса мулили, гремя намотанными цепями, но трактор с места не двигался. Фёдор врубил блокиратор, но и от него толку не было. Фёдор сдвигал назад, упирался прицепом в огромный стог, который за что-то невидимое зацепился на самом берегу, на всём газу дёргал вперёд, но короткий трос не позволял разогнаться и тут же резким рывком останавливал машину. Движок натужно ревел, но всё было без толку.

Поди, уже в десятый, а то и больше раз Фёдор вылез из кабины, снова обошёл вокруг стога, который словно врос землю, будто стожар пустил корни у самой кромки воды. Ещё в самом начале мужик пытался его дёргать то в одну сторону, то в другую, но тот нисколько не подавался.

Матерясь так зло и отборно, что заходящее солнце стыдливо прикрылось тучей, Фёдор опять сдвигал назад и сделал очередной рывок, но и эта попытка закончилась так же плачевно, как все предыдущие. Тракторист от злобы и бессилия колотил обоими кулаками по безвинному рулю и изо всех сил давил на педаль.

Оба задних колеса с крупными протекторами легко крутились на скользком льду, выбивая цепями крупные прозрачные крошки. И вдруг трактор резко просел...

– Крындец! – подумал Фёдор и, цепляясь валенками за рычаги, выскочил наружу.

Колёса цепями протёрли нетолстый осенний лёд и почти до половины просели в воду, оперевшись в песчаную отмель. Шлёпая прямо по разлившейся воде, Фёдор подошёл сзади, по пытался вытянуть шкворень и отстегнуть натянутый трос, но прицеп оказался подо льдом. Не залезая в кабину, Фёдор дотянулся до рычага, гидравликой поднял прицепное устройство до упора, но и в таком положении трос всё равно оставался настолько натянутым, что не помог и молоток.

Оставив двигатель работающим, Фёдор, скользя моментально обледеневшими валенками, побежал в Неумоевку. На середине реки споткнулся за ветку тальника, ту самую, о которую накануне зацепился недотёпа Иван и свалился в воду, что ручной пожарной помпой наливали поверх льда мужики, намораживая зимник для вывозки сена из Зареки.

Но крепкий морозец постарался на совесть, поэтому сегодня было сухо. В очередной раз витиевато изматерившись, поминая недобрым словом Ивана, Степана и раскладывавших тальник баб, Фёдор поднялся и быстрым шагом отправился дальше.

Чтобы не вморозить «Беларусь», надежда была только на Кольку Вересова. Лишь бы выдержал лёд его гусеничный трактор!

– Не кувырнись бы вчера перед обедом Иван в воду да не промокни, на таком-то морозе успели бы дотемна ещё раза три пролить зимник, – размышлял на ходу Фёдор. – Тогда-то уж точно любую тяжесть выдержал бы. А так опаска имелаась.

Когда уже подходил к Неумоевке, навстречу попался председатель. Расспросил и развернул лошадь:

– Падай в розвальни, поехали!

К Кольке Вересову подкатили, как на свадьбу, лихо и с гиканьем.

– Дак это, бог не выдаст, свинья не съест! – молодецки махнул рукой Колька и тряхнул кудрявой головой. – Ты, Тася, самовар ставь, мы, это, мигом!

Пускач завёлся с полоборота, а потом нехотя, откашливаясь сгустками чёрного дыма, начал набирать обороты двигатель. Председатель уже поехал собирать мужиков, на случай, если придётся подсоблять лагами.

На берегу все остановились, Колька с гусеницы спрыгнул на землю. – Ты-то туда ездил, не трещал лёд? – спросил он Фёдора.

– Да нет! Я же две ходки сделал. Два стога приволок, а этот, едри его мать, на берегу за что-то зацепился. Я совсем немного со стороны и подъехал-то. Дерьгал, дерьгал, и ни в какую! Уж и в одну сторону, и в другую, а потом цепями-то лёд наскрость и протёр.

– Не ссы, Федька! Вытащим твой «беларус». Не на лёд, дак на ту сторону, на берег. Ну, поехали!

– Ты это, Николай, поаккуратнее! – напутствовал Иван Степанович. – Ежели што, прыгай.

– Фигня, Иван Степанович! Всё пучком будет! Мы это щчас, одним махом на тот берег!

С ветерком!

– Дверку-то не закрывай! – крикнул вслед Степан, когда Колька уже полез на гусеницу.

– Да не бздите, мужики! Поезжайте впереди, я следом. – Мужики уселись на розвальни, Иван Степанович взял в руки вожжи:

– Но, Серко! Трогай давай!

На душе у всех было очень тревожно. Если Колька отгонял страх показной бравадой и шутками, то Иван Степанович, да и мужики хорошо понимали, что для гусеничного трактора лёд ещё тонковат.

«Ну и что, что намораживали зимник, укладывая тальник? – раздумывал председатель. – Вот если бы ещё снегу набросать, борта бы им по краям сделать, тогда бы точно зимник был крепкий. Лонись-то вон без опаски ездили, а ноне с погодой не поладилось. Заждались зимы, скотина всё сено на этом берегу прибрала. Знатьё бы, дак на лошадях возить начали, а всё на морозы надеялись».

Лошадь смело шла по льду на другой берег к провалившемуся колёснику.

«Ежели бы что, конь – он животная осторожная, – думал Иван Степанович, полностью полагаясь на чутьё лошади. – Ежели трещина где, заартачится, рыпаться начнёт. И река-то всего ничего, метров двести, да только глубоко на стремнине. Раньше-то пароходы ходили, пока молевым сплавом всё не загадили. Теперь и на моторке с опаской надо, потому как в топляк запросто бортом уткнуться можно и опрокинуться. Вот сколько тут на реке мужиков-то утоплю. Правда, больше всё по пьяни».

Когда сани под рокот идущего следом трактора, весело позвякивающего на морозе стальными гусеницами, уже приближались к противоположному берегу, сзади раздался треск. Будь проклято это место, где вчера Иван растянулся, из-за чего пришлось прекратить работу по намораживанию, где полчаса назад грохнулся Фёдор! Именно на этом месте был трактор, когда из-под его гусениц со звонким треском побежали в разные стороны трещины. Одна быстро догнала розвальни, умчалась под копыта лошади. Серко испуганно подпрыгнул задними копытами и резко рванул к берегу.

Не ожидавшие этого мужики потеряли равновесие, повалились на солому, захохотали и начали дурашливо хлопать друг друга меховыми рукавицами. Из-за этой возни они не сразу обратили внимание, что шум трактора как-то резко заглох, послышалось бульканье.

Когда все враз обернулись, трактора на зимнике уже не было. Вместо него плавало в огромной проруби ледяное крошево, а снизу в наступившей тишине громко шло бульканье крупных воздушных пузырей.

Глава 10. Крещенские забавы

Ряженные на Кьянде давно уже по домам не ходили. Люди постарше вспоминали, как в раннем детстве колядовали, какие придумывали забавы и розыгрыши. Вдохновлённые этими байками, пацаны нет-нет да и учиняли какое-нибудь безобидное безобразие.

Венька с Колькой вечером долго выжидали за сараем, пока приехавшие на каникулы Светка с Танькой останутся в бане одни. Совсем уже околели от холода, но дождались-таки. Едва за напарившейся и раскрасневшейся от жары Ньюшерей закрылась дверь в сенях, ребята, стараясь не скрипеть замороженным снегом, подкрались к небольшому окну бани, но разглядеть за запотевшим стеклом ничего не смогли. Не удалось и подслушать, о чём таком могут говорить наедине голые девки. Раздосадованные неудачей, парни всё же решили отметиться и припёрли предбанник суковатой чуркой, которую Ньюшеря не смогла расколоть и теперь использовала её для щепы на растопку.

Девки домой из бани совсем не торопились. Было слышно, как они несколько раз подкидывали на каменку кипятка, как грозно шипел на горячих камнях пар, как звонко шлёпал берёзовый веник, как лилась из шайки вода. То и дело доносился смех, но сами хохотушки домой не спешили.

Ребята ждали, что с минуты на минуту девки закончат свои банные дела и станут собираться домой, ткнутся в припёртую снаружи дверь, в это время парни начнут лупить палками по доскам, дико рычать звериными голосами, пленницы испугаются и начнут истошно кричать и звать на помощь. Вот будет потеха!

Но ничего этого не случилось. Ньюриха забеспокоилась, отчего девки так долго моются, не случилось ли чего, ведь вон в самовар уже два раза углей добавляла, чтобы не остыл, а их нет и нет. И пошла проведать сама. Откинула чурку в сторону, остановилась в дверном проёме, чтобы её тоже шутники деревенские вместе с дочками не заперли, а девчонки как раз к тому времени напарились, намылись и домой собирались.

Начали Венька с Колькой советовать, что ещё можно учудить.

– А давай, – говорит Венька, – стукалку им на окно приделаем.

Сказано – сделано. Колька домой за катушкой ниток десятого номера сбегал, у матери их много заготовлено на основу, как раз новые дорожки ткать изладилась, уже и кросна собрала, у окна, чтобы лучше видно было, поставила.

Привязали к нитке гайку от велосипедной педали, конец нитки прицепили за гвоздик, что стекла в раме держат, отошли за огород и из-за поленницы стали за ниточку дёргать. Гайка по стеклу «стук» да «стук», Ньюшеря занавеску отодвинула, в темень уличную посмотрела, никого не увидела. Опять сидят чаёвничают.

Венька снова за нитку подёргал несколько раз. На этот раз которая-то из девчонок выглянула: может, кто на улицу гулять зовёт, хотя вроде ни с кем не договаривались. Венька стоит с ниткой в руке, ждёт, когда занавеска задёрнется, а Колька за его спиной прячется. Смотрит, а у Веньки на валенках голенища широченные-широченные, а ему давно по малой нужде не терпится. Ещё когда у бани в засаде сидели, еле сдерживался.

Ну, Колька и решил подшутить над другом, брюки расстегнул и струю в широкое голенище направил. По ватным штанам так оно и не слышно совсем, а в валенках у Веньки ещё толстые шерстяные носки надеты, тёплое потихоньку так растекается и совсем не чувствуется. Тем более – азарт у парня, нитку время от времени дёргает, по стеклу стучит, хозяев донимает святочными приколами.

И тут пацаны за спиной скрип услышали. Присели со страху, кто там поздним вечером за огородами шарится. Не волки ли? Только если бы волки, собаки такой хай подняли, что мало не показалось. А тут ни одна шавка не гавкает.

Присели, озираются и видят при свете луны, как кто-то дрова тырит. Большие санки по неглубокому снегу легко и быстро скользят с огромной кучей поленьев. То ли мужик, то ли баба, впотьмах не разобрать, чуть не бегом по-за огородами с добычей шлюндает. Решили проследить ребята, кто таким непотребным делом позорится. Осторожно следом крадутся. А незнакомец дрова Марье в огород тихонечко, чтобы не греметь поленьями в морозной тишине, сложил и обратно заторопился. И прямо к избе Ивана Михайловича. Опять санки загрузил и снова к Марье отвёз.

Сначала пацаны на самого Ивана Михайловича подумали. Мол, решил мужик тайком от жены бабе помочь морозную зиму пережить, дровишек подкинуть то ли по доброте душевной, то ли как зазнобе рождественский подарок сделать. Смотрят, на Ивана Михайловича не похож. Тот повыше, этот покоренастее. Но и на Марью нисколько не смахивает. Сели в тени сарая, шепчутся. Уже и про свой розыгрыш с Нюшерей да её девками забыли.

А у Веньки к той поре подмоченная нога мёрзнуть стала. Не поймёт никак, почему в одном валенке тепло, а в другом аж пальцы закоченели. Домой бы бежать, на лежанке отогреться, но тайну дровяную разгадать хочется. Кто же это таким непотребным делом занимается, ведь отродясь в деревне не воровали.

А уж дрова друг у друга таскать, так и вообще последнее дело – вон лес рядом, руби – не хочу. Федька за бутылку на тракторе столько натаскает, что не на одну зиму хватит, а Степан за такую же бутылку «дружкой» распластает, будь здоров. Только и останется расколоть, так на морозе любой пацан берёзовые чурки запросто разделает. Поэтому никакой нужды нет грех на душу брать. А незнакомец всё таскает санки за санками и таскает. И, главное дело, ни одна собака не тявкнет.

Колька с Венькой совсем свои, а и то не меньше часу все деревенские псы их наперебой облаивали, пока не надоело. А тут молчат и молчат. Пока всю большую поленницу от Ивана Михайловича к Марье незнакомец не перетаскал, не угомонился. А потом санки к изгороди приставил и как растворился в темноте, потому что луну как раз тучкой небольшой закрыло. Так ребята и не узнали, кто бедокурил. Вроде бы на Лешего похож, но не станет же старик, как пацан, дурью маяться. Да к тому же ещё и через две деревни идти, чтобы дрова перетаскивать.

Наутро жена Ивана Михайловича пошла помой выносить. Смотрит, что-то в усадьбе не так. Вроде ничего не изменилось, но чего-то и не хватает, картина немного непривычная. Ещё раз осмотрелась, точно, чего-то не хватает. И видит, поленница исчезла. Домой заторопилась, мужу рассказывает, что дрова у них украли. Все как есть, до последнего полешка. Только те, что в дровянике сложены, и остались.

Отмахнулся Иван Михайлович, не поверил. Ну, кому в деревне чужие дрова понадобились, когда у всех своих не на один год наперёд припасено? Но вышел посмотреть и ахнул. От длинной, во весь двор, поленницы только щепочки да клочки бересты остались. А ещё следы санок вдоль огородов. Пошёл по этой накатанной дорожке и прямо в Марьин забор упёрся. А та стоит посреди двора и руками себя по бокам хлопает, за что это ей боженька такой подарок подвалил.

Ну, Иван Михайлович мужик добрый, нескандальный. Не кинулся с разбегу в перепалку, поздоровался, про дрова спросил, кто наготовил. А Марья сама понять ничего не может, ходит вокруг кучи, хлопочет. Смотрит Иван Михайлович, следы на снегу явно не Марьины. Валенки чуть не в два раза больше размером отпечатались, да ещё и аккуратно подшитые простеганными дратвой стельками. Тут не пацаны порезвились. Кроме Лешего, ни у кого таких аккуратно простеганных валенок нету. Это ему, старому озорнику, ночами не спится, молодость вспомнил.

– Увижу, пусть обратно таскает, шутник грёбанный, – рассердился было председатель. – Хотя ладно, Марья Ивановна, топи на здоровье. Я себе других наготовлю. Завтра же, пока снегу немного, с Фёдором навалим и домой привезём.

Глава 11. Олёхины женитьбы

Хоронили Анну в начале лета, когда всё вокруг было в обильном цвету.

Ушла она быстро и тихо. После рождения шестого ребёнка растаяла, как мартовская сосулька на солнечной стороне крыши. За первые три месяца после родов исхудала, как-то враз лишившись былых округлостей, иссохлась, но в район к врачам ехать отказывалась, объясняя своё состояние тем, что грудничок очень уж до еды жадный – все соки из нее высасывает. Да и как ехать, на кого детишек оставить?

Когда Олёха всё же чуть не силой увёз её в районную больницу, доктора сделали рентген, повертели на кушетке, наглаживая округлой рукояткой, присоединённой проводами к какому-то прибору с экраном, на котором дали Олёхе посмотреть, как что-то там у его жены внутри пульсирует и дёргается, и потом только руками развели:

– Говорили ей, что нельзя больше рожать. Не послушалась.

И начали скороговоркой сыпать всякими не понятными для нормального человека словами, а когда Олёха попросил объяснить их значение по-русски, все заумные речи свелись к одному слову: «Рак». И был он в той стадии, когда врачи помочь бессильны, когда уже бесполезны облучения и операции, когда спасти человека нельзя, но можно лишь продлить на непродолжительное время его мучения.

Прожила Анна после этого всего три месяца, покорно собираясь на тот свет и торопясь отдать своим детям, старшая из которых ходила в пятый класс, остатки своей нерастраченной материнской любви. А мужу, незадолго до смерти, когда ещё была в сознании, присоветовала жениться, найти хорошую, добрую мать для их ребятешек.

Как только гроб выносили из дома, Олёха взял ружьё и набитый в два ряда патронташ, встал у калитки и начал дуплетами палить в небо. Когда кончились патроны с бекасинкой, он стал заряжать двойку, потом стрелял единицей, картечью, а напоследок жажнул двумя жаканами, что были заряжены на случай нежелательной встречи с медведем или, если повезёт, для охоты на лося перед началом сенокоса. Олёха палил и палил в небо, будто пытаясь достать легкокрылых ангелов, проглядевших его Аннушку.

При каждом выстреле бабы испуганно приседали, а две набожные старушки крестились, просили Господа простить грешного, что осмелился он стрелять в чисто небо и высоко проплывающие над деревней перистые облака, на которых, наверное, и сидели ни в чём не повинные ангелы.

Бабы ребятешек жалели, жалели и Олёху, помогали кто чем мог по хозяйству, да только ведь у каждой своя семья, свои заботы. А тут – то сенокос, то заготовки на зиму грибов да ягод, а у Олёхи – самый сезон путины. Трёх младших у него сразу после смерти жены в детский дом определили, а старших не отдал. Да и за малышами обещал зимой вернуться и домой забрать. Но и с тремя делов хватало. И понял мужик, что придётся-таки следовать совету жены и приводить в дом другую.

Только сделать это не просто. Баб одиноких на Кьянде немало. Мужики из жизни уходили молодыми, оставляя своих жён вдовами ещё в самом соку. Да только кто же согласится пойти на этакую ораву, когда и свои ещё не выращены?

Молодые и старые вечерами обсуждали с соседками и со своими мужьями, кого бы посоветовать, и сходились на одном, что лучше Маринки Олёхе не найти. Старая дева. Хотя какая там ещё старая, когда сорока нет? Замужем не была, горькой бабьей доли не хлебнула. Вот только живёт с маменькой, которая всю домашнюю работу сама справляет, так что доченька как сыр в масле катается, а потому избалована. Но Олёха мужик работающий, вон и без бабы сам с хозяйством справляется. И стирает, и готовит, и со скотиной обряжается, когда не в озере.

Но в озере он был всё же больше, чем дома. Как раз хорошо шла крупная рыба, и мужики каждый день сдавали на приёмный пункт по сотне, а то и больше килограммов леща, судака, хотя попадалась и чёша, и сорога, и щука.

Так Олёхе и присоветовали идти к Марине свататься.

Для этого торжественного случая Олёха вечером надел ещё Анной выглаженную рубаху, которая висела рядом с праздничным костюмом в шкафу с полированными дверками. Пиджак давно уже стал тесноват в плечах, но брюки были впору. Олёха надел их, застегнул на все пуговицы рубашку, сразу стало душно, жарко и тяжело дышать. Две верхних пуговицы пришлось расстегнуть. Через поле с бутылкой водки, завернутой для приличия в газету, шёл, как на каторгу. Ноги сделались ватными и плохо слушались.

У отвода покурил, потом расправил плечи и решительно пошёл к дому невесты. Честь по чести постучал, зашёл, поздоровался с сидящими за чаепитием Мариной и её матерью Авдотьей, поставил бутылку на стол и без дальних подходов брякнул:

– Вот, жениться надумал. Пойдёшь за меня?

Женщины к этому были давно готовы, потому что Олёху в женихи Марине прочили всю осень, мол, негоже это молодой такой да справной одной вековать. Ну и что, что ребятишек много? Сладишь с ними, так они лаской-то своей и твоё сердце одинокое отогреют. А там, даст Бог, и своих ещё нарожаете. И постепенно Марина да и матушка её от таких разговоров стали всё больше и больше склоняться в пользу этого варианта.

– Ежели согласна, – подытожил Олёха своё немногословное предложение, – дак завтра и в сельсовет пойдём, распишемся честь по чести.

– Ты это, парень, погоди торопиться-то, – урезонила его Авдотья. – Ишь, скорый какой! Расписаться он побежал! Мы вон с мужем моим почти тридцать лет прожили на разных фамилиях, а душа в душу ладили, никто слова худого не слыхивал. Сельсовет никуда не денется, ежели на лад жисть-то пойдёт. Вот вы сначала вмистях поживите, пока с тролицей, а ежели сладится всё, опосля и остальных домой заберёте. Не годно это при живом батьке ребятишкам в детском доме мыкаться у чужих-то людей. Благословила бы я вас, как меня в своё время моя маменька, да и Марина некрещёная, и иконы в доме нету. Так что живите с Богом! Мир вам да любовь!

Обратно Олёха шёл своим привычным широким шагом с небольшой котомкой в руке. Не успевая шагать по накатанной дороге рядом, следом, гордо выпятив грудь, семенила Марина.

– Вот, девки, я вам новую мамку привёл, – зайдя в дом, отец выставил впереди себя новую жену.

– Ой, тётя Марина, ты правда теперь нашей мамой будешь? – обрадовалась старшая, Люська. А две младших сразу же выскочили из-за стола и ухватили гостью своими тонкими ручонками.

Начиналась семейная идиллия. Но продолжалась она недолго. Нет, и с девчонками у Марины всё сразу сладилось, и она готова была уже ехать в детский дом за малышами, и в доме порядок быстро навела, отскоблила грязь, постирала и выгладила бельё, корова её с первого же дня за хозяйку признала, а вот супружеские обязанности тяготили не в мочь. Проживший столько времени бобылём, Олёха истосковался по бабе и сходу взял такой темп, что не привычная к постельным делам Марина к концу первой недели запросила пощады, а потом и ультиматум выставила, мол, не может она столько выносить. Наутро к корове идёт, ноги нараскорячку, и всё тело болит. А Олёха и хотел бы молодую побережь, да сила необузданная прёт, и никак он аппетиты свои умерить не может. И Марина ударилась в бега.

Среди ночи после очередного изматывающего нападения, когда натешившийся Олёха заснул, она тихонечко выбралась из-под одеяла, платья свои в котомку запихала да задворками из деревни и выбралась. Поле чуть не бегом перебежала, дома на расспросы Авдотьи долго

рассказывать ничего не хотела, а потом и созналась, что не в состоянии она выдержать Олёхину мужскую силу.

После этого рейтинг Олёхи среди мужиков, то и дело прикалывавшихся по поводу его ...лды, которая, не зря в народе говорят, соотносится с размером не только носа, но и обуви, авторитет злостного ... баря стал непререкаемым. Но если мужики стали относиться к этому качеству своего земляка с большим уважением, то среди баб число потенциальных кандидаток на замужество сразу же сошло на нет.

Следующую жену нашёл Олёха в Костоме, куда слава про него ещё не докатилась. Тося трижды побывала замужем, всё неудачно. О неудачах этих никто особо не распространялся, и потому на Кьянде-то и подавно ничего про те замужества не знали.

Олёха честно рассказал, что жена померла, что есть шестеро ребятишек, девки живут дома, а трёх пацанов пока пришлось сдать в детский дом. Не утаил ничего и про себя, что, бывает, выпивает, как все, что пьяному лучше не перечить, а то и оплеуху огрести можно, что рыбачит, зимой, опять же, как все мужики, на охоту ходит, так что рыба и мясо в доме есть всегда.

Ну, Тося подумала маленько и согласилась. Своих детей ни с одним из мужей Бог не дал сподобить, так хоть чужих на ноги поставить поможет. Дело было в субботу, как раз баня топилась, а коли замуж согласилась, так и в баню пошли вместе. А что таиться-то, не молодые, чай, скрывать нечего.

Когда Олёха в предбаннике разделся, Тося немало удивилась, и в низу живота заныло, то ли со страху, то ли от проснувшегося желания. Ночь выдержала с достоинством, хоть и пришлось постонать от боли и удовольствия, а в обед на почтовой лошади молодые уже катили на Кьянду строить семейную жизнь.

И опять девчонки новую маму приняли радостно – отец всё время при делах, а им, сердечным, материнской любви хочется, прижаться ласково, чтобы по голове погладили, похвалили за что-нибудь. Тося их сразу же, как родных, признала, тут же душу свою распахнула и оттаяла, уже за вечерним чаем видела, как заберут они остальных, как большой дружной семьёй будут собираться вокруг стола, как самый маленький, который ещё и говорить не умеет, мамой её назовёт. Даже слезу непрошеную смахнула.

– А ты чего, мама Тося, плачешь? – заметила Катька.

– Да от радости я плачу, детушки вы мои. От радости, что нашла вас, горемычных, что заживём мы дружно да весело.

А не получилось! Если первые ночи ещё думала, что просто мужик по бабе оголодал и теперь упущенное навёрстывает, то скоро поняла, что этот напор ей долго не выдержать. Трёх мужей пережила, случайные захаживали, всяко бывало, но такого ей принимать ещё не доводилось. И тоже через месяц дезертировала баба к себе в Костому.

Олёха за ней дважды ездил на лошади, звал обратно вернуться, мол, девчонки по ней скучают, слёзы льют. Тося тоже плакала, но вспоминала проведённые в коротком с ним замужестве ночи и категорично мотала головой: «Ни за что!»

Четвёртую жену Олёхе подсказали аж в Белозерске, где и пацаны его в детском доме определились. На рыбоприёмном пункте и имя назвали чудное – Валерия, и адресок примерный дали, рассказали, как от пристани пройти до конца улицы, где она в третьем с краю доме жила со взрослой дочкой. Правда, сказали, гуляет баба, попивает не в меру.

– Ну, у меня много не набалуует. Пьянка, она ить от безделья да жизни безрадостной, а у миня работы хватит по хозяйству с этакой оравой. Да и у нас не в городе, кажинный день водку покупать никаких денег не хватит. Так что всё путём будет.

Нашёл Валерию без труда. Постучался, в дом зашёл с гостинцами деревенскими: леща самого крупного и жирного мужики на гостинец выбрали, Анемподист лосятины копчёной принёс, сала солёного шмат захватил. В доме как раз гулянка шла. Два местных хлыща в гости

заглянули. Компания оказалась гостеприимной. А когда Олёха гостинцы на стол выложил да бутылку водки посредине установил, так и вообще самым дорогим родственником был назван.

Валерия Олёхе понравилась. Не то чтобы красавица, но бабёнка смазливая. И на личико ничего, и ухватить есть за что.

Дочку представила. Тamarочкой звать. На вид лет двадцать, но видно, что вольной жизни власть хлебнула. В одной руке стопка с водкой, в другой – сигарета дымится. Поморщился Олёха от вида курящей девки, потому как у них в деревне отродясь бабы не курили, но не на ней же жениться собрался.

Сел с краю стола к мужикам, присмотрелся. Он даже имена их запоминать не стал, не понравились они с первого же взгляду: склизкие какие-то, глазенки туда-сюда бегают, у одного все руки в наколках. За блатных себя выдают. Но и это ладно – не родственники. Так, в гости зашли. Как сказали, на чашку чая, но видно было, что до чая там немало было и что покрепче принято. А когда Олёхину бутылку разверстали, к нему уже начальственно так, который с наколками, мол, пора, мужик, тебе за новой в магазин бежать, и так это кулачком своим перед носом вертит.

А наглости Олёха никогда терпеть не мог. В этой компании он ещё не успел сказать, что во хмелю буйным бывает, поэтому без всякого предупреждения сначала кулачок тот, что перед лицом вертелся, зажал так, что пальцы захрустели, а потом обоих орлов за воротки схватил, лбами стукнул, ногой дверь распахнул и вышвырнул на улицу.

– Ишо раз увижу, ноги из жопы повыдергаю!

Хлыщам два раза объяснять не надо было. Они школу тюремную хорошо освоили и сразу силу и превосходство чужака поняли и приняли к сведению.

А когда Олёха в дом вернулся, дочка Валерии в ладоши захлопала:

– Вот это я понимаю – мужчина! Ну, у тебя и силища! Давай за тебя выпьем! У нас с мамкой заначка есть.

– Да я, собственно, не водку пить приехал.

– Ой, тебе кто-то адресок подсказал, где девочки доступные живут?

– Да я это, свататься приехал.

– Ой, не могу! – расхохоталась Тamarочка. – На мне или на мамочке?

– Да мне вот Валерию присоветовали.

– Мамуля, соглашайся! Я всю жизнь о таком папуле мечтала.

– Да помолчи ты, дура! – огрызнулась Валерия. – Вишь, в кои-то веки хороший человек в гости зашёл. Без глупостей заявился, а по делу. Это обмозговать надо. Ты сам-то откуда?

– Да с Кьянды я. Это на другом берегу Белого озера. Теперь зимой-то по льду на лошади за день доберёмся вдоль берега.

– Так ты на лошади? – встрепенулась Тamarочка. – Поедем, мамуля, кататься... – пропела она фальшиво.

– Лошадь-то где оставил? – отмахнулась от дочки Валерия. – Да вон, у калитки и стоит. Сена дал, ждёт хозяина.

– А домой когда собираешься?

– А завтра в детский дом схожу, трое пацанов у меня там живут после смерти жёнки, гостинцев оставлю и обратно. Если надумаешь, дак вмистях и поедем. У миня там дом, хозяйство, три дочки. Всё честь по чести.

– Предложение, прямо скажем, очень даже неожиданное! Не ждала я такого сватовства. Надо обмозговать. Доставай там из шкафчика, – повернулась к дочери.

– Мамуля, что тут мозговать? Мне такой папуленька очень даже нравится. Поехали, а?

– Так, помолчи, когда взрослые разговаривают.

– Ой-ёй-ёй-ёй! Если забыла, мне тоже уже семнадцать, не ребёнок, – обиженно надула губы Тamarочка и стала наполнять гранёные стограммовые стопки.

Ночевать гостя женщины оставили у себя. Лошадь завели в ограду, выпрягли, дали привезённого с собой сена, Олёха накрыл животное попоной.

Спали в разных комнатах, утром Валерия первым делом поставила самовар, затопила столбняку, накрыла на стол завтрак. Олёха вынес лошади ведро тёплой воды, подкинул сена.

В детский дом пошли с Валерий вместе. Младшего принесли показать из пристроя, где располагался дом малютки, старшие прибежали к отцу сами, но уже через полчаса начали рваться обратно к другим детям, где было интереснее. Олёха передал воспитательнице привезённые продукты, попрощался с обещанием скоро приехать снова.

А ближе к обеду лошадь, весело цокая острыми подковами по ровному, слегка припорошённом снегом льду озера, рысцей бежала вдоль берега. На розвальнях вместе с Олёхой ехала укутанная в тулуп Валерия, к которой в ожидании интересных приключений прижималась Тamarочка.

Вечером были дома. Корову уже подоили соседки, а Люська как раз кормила сестёр ужином. Познакомились, посидели у медленно остывающего самовара без спиртного, стали укладываться спать. Валерию Олёха, как и полагается, уложил с собой на хозяйской кровати.

Утром Валерия всё жаловалась на боль в пояснице и не могла понять, из-за чего эта хворь приключилась.

– Поди, застудилась в дороге, – решил Олёха и обещал вечером как следует пропарить в бане.

Но болела поясница совсем не от простуды, о чём поделилась Валерия со своей взрослой дочкой, потому что через неделю, когда Олёха начал кидать привезённый стог на сеновал, где его охалками принимала и укладывала подальше от окна Тamarочка, как только Валерия ушла в хлев доить корову, девка позвала хозяина наверх помочь притоптать непослушно падающее вниз сено. Едва Олёха поднялся по ступенькам на навесь, Тamarочка бросилась к нему на шею:

– Мне мамуля про тебя такое рассказывала, такое рассказывала, я тоже хочу...

– Тю, сдурела, што ли, девка, – отмахнулся Олёха, ошарашенный таким поворотом дела.

– Мамуля жалуется, что больше уже сил у неё нет, всю ты её измучил. Я тоже хочу попробовать.

– Не рановато ли? – строго спросил Олёха.

– Ты что думаешь, я целка, что ли? Да у меня мужиков было, может, побольше, чем у мамани. Думаешь, они к нам с водкой в гости просто так, что ли, приходили? Меня им надо было. Ну, давай я мамку выручу, а?

Когда хлопнула дверь хлева, Олёха затих, но, как только услышал, что Валерия зашла в дом, продолжил ублажать падчерицу. Собственно, падчерицей её назвать было нельзя ни по каким признакам, потому что и с матерью её, Валерией, никаких отношений ещё не было оформлено.

С этого дня всё и началось. Валерия – в хлев, Олёха с её дочкой на сеновал, а чтобы не вспугнула, дверь в хлев на вертушку закрывать стали. И Валерия несколько дней недоумевала, как это такая тугая, разопрелая от сырости вертушка сама может завернуться. Пока потом докричишься, чтобы выпустили.

Зато Олёха к Валерии заметно охладел и уже не надсажал её до боли в пояснице. Но долго так продолжаться не могло. Однажды Олёха вернулся с озера и застал Валерию и Тamarочку сидящими в разных углах и враждебно настроенных друг к другу. Девчонки испуганно прятались на печке. У Валерии под правым глазом красовался синяк, у Тamarочки всё лицо исцарапано.

– Ну, и из-за чего сыр-бор? – строго спросил Олёха.

– А то ты не знаешь!

– Дак вам меня мало, што ли? Тогда так порешим, или вы с этим миритесь, или я отвезу вас обратно.

Мать с дочерью какое-то время мирились, даже дверь в хлев на вертушку не закрывали, но однажды Олёха застал их мало того, что в умат пьяными и с изодранными в кровь лицами, но и в изорванной в клочья одежде. Девчонки прятались у соседей.

Олёха вечером ничего говорить не стал, а рано утром запряг лошадь, зашёл в дом и коротко бросил:

– Собирайтесь! Розвальни готовы, обеих обратно отвезу. Нечего мне тут концерты устраивать, народ смешить да девчонок пугать.

Похоже, такое его решение обрадовало всех. Нехитрые пожитки были собраны за несколько минут, и вскоре повозка везла несостоявшуюся семью обратно в Белозерск.

Там Олёха поставил лошадь у столовой, заказал тарелку щей и стакан водки. Потом, захмелевший, обнимал в детском доме своих пацанов и пьяно жаловался:

– Эх, ребяташки-ребятушки! Ну, не получается у миня вам мамку найти. Потерпите ещё маненько. Может, и сладится жизнь, заберу я вас из казённого дома. Мамкой вашей родной клянусь, если слышит она нас там, на небесах. Поистине святая была баба!

Потом он купил в дорогу бутылку водки, едва выехал на озеро, ополовинил её прямо из горлышка. Погода начинала портиться, подул сиверко, натоптанную дорогу стало переметать, но Олёха был уверен, что и в метель лошадь привезёт прямо домой. К ночи должны были успеть, несмотря на то, что после двадцатикилометрового перегона в город конь притомился и за то время, пока он ходил попроведывать своих ребяташек, отдохнуть как следует не успел.

Вскоре возница начал зябнуть, он допил остатки горькой и закутался в тулуп, тщательно подоткнув его со всех сторон. Лошадь без понуканий то резво бежала по накатанной колее, то переходила на шаг, чтобы перевести дыхание, и вскоре снова убыстряла шаг. Когда почти добрались до приёмного пункта, уже было видно освещённые окна стоящего на самом берегу дома, всегда такая осторожная лошадь вдруг решила спрямить дорогу и в самом устье впадающей в озеро реки ухнула в размытую быстрым течением полынью.

Её испуганное ржание услышали рабочие, паковавшие на завтра повозки с принятой рыбой, бросились на голос, рассупонили, ослабили хомут, оглобли сразу же сами выскользнули из ослабевших гужей. Впятером помогли лошади выбраться на лёд, а розвальни с крепко спящим возницей скрылись под заснеженной коркой.

Поскольку хоронить было некого, собрались люди в осиротевшей Олёхиной избе, помянули мужика, погоревали о бесславной кончине и разошлись по домам. Девчонок взяли к себе Марина с Авдотьей, а к мальчонкам в детдом так больше никто и не приезжал.

Глава 12. Дурная примета

В доме пахло смертью. Это странное ощущение возникло у Лешего сразу же, едва переступил порог крохотной избушки Евстоля и встал у порога, почти доставая головой до низкого потемневшего от времени потолка. Но сама хозяйка выглядела бодро, поэтому Анемподист, привыкший доверять своему не подводившему за полвека охоты почти звериному чутью, отнёс на исходившие от горевшей перед иконами лампадки.

Анемподист впервые за всю свою долгую жизнь зашёл к богомолке, да и то лишь потому, что встретил накануне Аннушку.

– Заглянул бы ты, Анемподист Кенсоринович, к Евстолю, – попросила, встретив Лешего, Аннушка. – Надобность к тебе у её какая-то есть.

– Что за надобность такая? – с большим недоумением спросил Анемподист, потому что из всего населения Кьянды одна Евстоля его не сказать чтобы недолюбливала, но сторониться сторонилась. Даже на Спасов день или на Троицу, доведись встретиться на кладбище, в ответ на его пожелание доброго здоровья она едва удосуживала в ответ легким полупоклоном.

Справедливости ради надо сказать, что и других-то особо не привечала. Она была лет на пятнадцать старше Лешего, потому что он ещё пацанёнком бегал, когда Евстоля была на выданье. Только замуж так и не вышла. То ли сама не хотела, то ли не сватался к ней никто.

Помнится, и в молодости Евстоля не слыла красавицей, а теперь в возрасте далеко за девяносто и вовсе очень смахивала на Бабу Ягу из народной сказки. Ходила всегда в чёрном до пят одеянье, туго подвязавшись по самые глаза чёрным же платком. Ну, прям монашка и монашка!

А она и вправду образ жизни вела монашеский. Родни у неё не было, поэтому жила одна-одинёшенька в крохотной, на одно подслеповато глядящее на дорогу окно избушки, невесть когда и кем построенной на краю деревни. В своём преклонном возрасте была ещё довольно шустрой, сама ходила в магазин, шастала в ближайший лес по грибы да по ягоды. По субботам после всех мылась в бане у Коноплёвых, там же стирала своё бельё и опосля аккуратно за собой прибиралась.

В домике у Евстоля бывали только Агриппина – мать Бори Коноплёва, больше известная в округе как Коноплиха, бабка Степанида – какая-то дальняя её родственница, да ещё Венька.

Он каждую весну колол бабке дрова на мелкие поленья, чтобы сподручнее было старушке носить их в дом из поленницы, укладывая которую вдоль задней стены избушки она тоже никому не доверяла.

Ну, звала так звала. И прямо из магазина завернул Анемподист к Евстолю: может, там и впрямь дело-то неотложное. Постучал в дверь погромче – вдруг плохо слышит старая, и тут же услышал звонкое:

– Да заходи, заходи! Я тебя уж в окно углядела, вижу, что ко мне с дороги завернул. Не стукнись тут, тесно у меня.

Анемподист у порога снял свою лохматую из енота шапку:

– Доброго здоровьяца, Евстоля Михеевна!

– И тебе, Анемподист Кенсоринович, дай бог не хворать!

Анемподист осмотрелся. Он слышал, что у бабки много икон, но никак не ожидал, чтобы ими были увешаны все стены. А три по левой стороне занимали пространство как раз от пола до потолка. В красном углу, освещая полутёмное помещение, робко колебался огонёк лампадки.

Анемподист уставился на неё с удивлением, потому что на Кьянде даже иконы-то были в домах редкостью, а лампадку он вообще не видал, пожалуй, с самого детства. Лики на образах от времени стали совсем закопчёнными, но глаза у всех святых были хорошо видны и смотрели со всех сторон прямо на Лешего.

От этих многочисленных взглядов он почувствовал себя неудобно. Такое же чувство испытал однажды, когда стоящий перед ним на задних лапах медведь устался в упор ему в переносицу и готовился сделать шаг навстречу, чтобы подмять охотника.

Анемподист дольше всех рассматривал одну из трёх больших икон, на которой на фоне рубленной из брёвен то ли церкви, то ли часовни был изображён мужчина с седой бородой, одетый в чёрный и длинный, до самой земли, плащ с надвинутым почти до глаз капюшоном. Его руки были сложены на черенке широкой лопаты, что упиралась в полоску жирной земли прямо перед носками сапог.

«Преподоб. Марко», – было написано слева на уровне плеч и «Гробокопатель Печер.» – справа.

– Я смотрю, у тебя тут всё иконы да иконы, а это прям картина какая-та, – заговорил Анемподист, продолжая оглядывать помещение.

– А это тоже икона. Очень редкая, а изображён на ней преподобный Марк Гробокопатель, – пояснила Евстоля. – В стародавние времена, годков этак около тысячи тому назад, жили в одном монастыре два брата-инока, преподобные Феофил и Иоанн. Они так любили друг друга, что упростили преподобного Марка приготовить им одну могилу на двоих. Много ли прошло времени с той просьбы, не ведомо, только когда Феофил по делам монастырским отбыл в дальние края, Иоанн заболел и умер. Через несколько дней возвратился преподобный Феофил и пошёл вместе с братией посмотреть, где положен умерший брат. Увидел, что лежит тот в их общем гробе на первом месте, вознегодовал на блаженного Марка и сказал: «Зачем положил его здесь на моём месте? Я старше его». Преподобный Марк, со смирением кланяясь, просил простить его, а потом обратился к усопшему и сказал: «Брат, встань и дай это место старшему, а ты ляг на другом месте». И мёртвый подвинулся во гробе. Феофил тут же пал к ногам преподобного Марка и просил прощения. А святой Гробокопатель сказал, чтобы Феофил заботился о своём спасении, ибо скоро и его так же принесут на погост. И стал Феофил ждать своего смертного часа, а от горя много плакал и потерял зрение. А преподобный Марк на его мольбу умереть сказал: «Не желай смерти, она придёт, хотя бы ты и не желал».

– И откуда ты столько всево знаешь? – изумился Анемподист начитанности богомолки, которую считал совсем неграмотной.

– А книги святые читаю, батюшка ты мой. Там всё и означено.

– Дело у тебя ко мне, сказывала Аннушка. Неотложное.

– Дак я уж не знаю, ково было и попросить. Вчерась Богородица со стены сорвалась. Рама цела, а стекло вдребезги. Ты – мужик хозяйственный, поди найдётся стёклышко? – просительно заговорила Евстоля.

– Большое стекло-то?

– Да вот она, голубушка моя, – запричитала Евстоля, взяла приставленную к стене на лавке икону в руки и показала Анемподисту.

– Вчерась пошла за дровами, с охапкой домой вернулась, перед печкой стала складывать, а она, господи помилуй меня, грешную, ни с того ни с сего на пол и брякнулась. Стекло-то сразу вдребезги. Гляжу, а верёвочка оборвалась. Худая примета, Анемподист Кенсоринович! Ой, худая. Умру я, верно, скоро...

– Да ты, Евстоля Михеевна, ещё всех нас переживёшь. Ты же миня лет на пятнадцать старше, а у медички ни разу не была.

– Духом я крепка, батюшка! Духом. Оттого и хвори не берут. А видно, срок пришёл, Господь к себе затребовал. До Пасхи-то уж и не доживу, поди. Вот и предзнаменование мне господь подал. А земля-та ноне промёрзла! С осени без снега этакие морозы стояли. Жалко, намайются мужики могилку-то копать. До лета бы дожить, до Троицы. Ишо бы разок березками зелёными полюбоваться.

– Налюбуисси берёзками, – начал успокаивать Анемподист. – Ишо как налюбуисси. Давай икону-то, я мерку сыму.

– Да вот как я тебе Богородицу-то в руки доверю, когда ты и лба перед ей перекрестить не хочешь?

– Да не приучен я сызмальства к этому, – начал оправдываться Анемподист. – Ты уж прости меня, но некрещённый я.

– А вот тут ты ошибаисси! Бабка твоя тайком тебя окрестила. Батько-то твой нехри-стем был. Ой, какой нехристь! Он ить и церкву нашу порушил, а потом в ей клуб открыл, музыку бесовскую там на патифоне крутили да танцульки устраивали. Слыхано ли дело? В храме Божьем танцульки устраивать! А ить не побоялся гнева Божьего Кенсорин, царствие ему небесное. А тибя-та баушка твоя окрестила. Это я точно знаю. Только вот крестик сразу сняла и спрятала, штобы Кенсорин не углядел. Боялась она Кенсорина-то! Крутого нрава мужик был, царствие небесное.

– Так ить, поди, не по своей воле церкву-то порушил... – попытался заступиться за отца Анемподист.

– Знамо дело, не по своей воле, а всё одно – грех великий. Да спасибо ему, что образа из храма в часовню на погосте дозволил перенести. Мы ночью-то всё и сделали. Не надругались над образами святых у нас, не жгли в костре, как в Костоме. Этим-то батюшка твой, поди, на том свете, искупление грехов и заслужил. Да и мы за ево молились. А уж потом, когда команда из райёну пришла и в часовне стены очистить, ты эть помнишь, зерно там сушили, я самые-то дорогие иконы домой принесла. И бабы тайком от мужей по домам остальные разнесли, в сундуках да на чердаках попрятали. Сберегли святыни от поругания. Ты бы, Анемподист Кенсоринович, перекрестился, прежде чем Богородицу-то в руки возьмёшь...

Анемподист из уважения к богомольной старухе неумело перекрестился, повторив движения Евстоля, и взял в руки старинную икону, на которой в полумраке избушки едва проглядывалась женщина с младенцем на руках. Леший ещё обратил внимание, что почему-то младенец имеет лицо взрослого человека, но спрашивать об этом из природной деликатности посчитал неуместным.

Сделал замеры, передал икону Евстолю. Та сначала перекрестилась на три раза, и только после этого взяла образ в руки. Поставила в красный угол на лавку.

– Может, тибе ишо што сделать нада, дак ты не стесняиси, – спросил Анемподист, прежде чем уйти.

– Спаси тибя бог, Анемподист Кенсоринович! Ко мне иногда Венька забегает, тоже спрашивает, не надо ли чё сделать. Вот парень хороший вырос! Дров наколет, а ни рубля не возьмёт. От чистово сердца помогает. Я ему как-то коробочку ландрина в гостинцы наваливала, дак и то не взял. А ландрин-то ишо довоенный. Помнишь, в круглых железных коробочках? Да знаю, что помнишь. Может, хоть ты возьмёшь? Самой-то мне всё одно ни к чему, чтобы зубы не портить. И она впервые за всё время разговора улыбнулась, показав ряд ровных белых зубов.

– Дак ты хочешь, штобы у миня зубы выпали? – отшутился в ответ Анемподист. – Стекло завтра занесу, вставлю. Бывай здорова, Евстоля Михеевна!

– И ты не хворай, Анемподист Кенсоринович! Ступай с богом!

Разных обрезков у Лешего дома было полно, поэтому он сразу же вырезал алмазом, что бережно хранился отдельно от всех инструментов, стекло нужного размера, хотел было сразу же и сходить к Евстолю, вставить его на место, но потом решил, что всё равно утром идти на Дерюгино мимо, и отложил затею на завтра.

Утром Анемподист встал, как обычно, и едва после восьми рассвело, отправился на линию. Широкие, подбитые лосиной шкурой лыжи по накатанной дровнями дороге нёс на одном плече, ружьё висело на другом, подсунутые под широкий монтажный ремень когти ладно пристроились сбоку, а завернутое в тряпицу стекло для иконы было засунуто за пазуху.

Взял с собой и моток крепких капроновых ниток, из которых вязал сети, чтобы надёжно повесить образ на прежнее место да заодно проверить крепления на остальных. Впереди, то и дело озираясь, бежал верный Буян. У избушки Евстоля пёс сел на дорогу, будто зная, что хозяину надо зайти к богомолке.

Свет в разрисованном крещенским морозом причудливыми узорами оконце не горел.

– Керосин экономит, – догадался Анемподист. – Впотьмах молитвы свои по памяти читает.

Завернул на тропинку, подошёл к двери, постучал. Тишина. Постучал погромче.

«Спит, што ли?» – подумал Анемподист. Решил было прислонить стекло возле двери, чтобы вставить на обратном пути, но подумал, что Евстоля невзначай может его разбить, и постучал снова.

– Есть кто живой? – спросил громко. Но из-за двери никто не откликнулся. Тогда, предчувствуя недоброе, потянул дверь на себя. Она легко подалась. При тусклом свете дёрнувшегося от свежего воздуха огонька лампадки увидел лежащую на кровати Евстолю. Потрогал лоб.

«Вот ведь не зря говорила про дурную примету, – сразу же мелькнула мысль, когда под пальцами ощутил холод уже остывшего тела. – А хотела до Троицы дожить».

Анемподист осторожно, будто боясь разбудить спящую, прикрыл дверь и пошёл к Коноплёвым сообщить о смерти соседки, а затем отправился в Носово собирать мужиков – мастерить домовину и копать могилу. После осенних долгих и сильных морозов без снега на копку уйдёт два дня.

Потом, когда Евстоля уже лежала в гробу в своей крохотной избушке, бабы, утирая слёзы уголками повязанных под подбородком платков, рядили, какую икону положить отошедшей с собой в могилу. Все уже знали про историю с упавшей с гвоздя Богородицей, поэтому Аннушка предложила именно её положить в гроб покойнице, но Скорнячиха рассудила иначе:

– Бабоньки, да ведь это же предзнаменование было. Она ить зачем Анемподиста-та позвала? К Богородице позвала. Вот Анемподисту после сорокового дня и надо Богородицу домой взять. Это, верно, божиньке так угодно было. Отец евонный Кенсорин не позволил иконы в огне сжечь, спас Богородицу, вот пусть типерича у Анемподиста она и будет.

Так икона Казанской Божьей Матери после сорокового дня, аккурат накануне Пасхи, появилась в доме Лешего.

Глава 13. Сюрприз с рыбалки

«Опять пожадничал», – думал Леший, то и дело поправляя тяжеленную котомку, набитую рыбой. Весна ноне выдалась просто замечательная. Большой снег сошёл быстро, и пойменные луга Верховья утонули на глубину до полуметра. Воду хорошо прогревали почти прямые лучи тёплого солнца, и в эту благодать, ещё дедами раскроённую осушительными канавами, давно заросшими густым ивняком, потянулась из Белого озера рыба.

Тут и там слышалось громкое плескание плавников безоглядно играющих щук, к которым осторожно можно было подойти на расстояние одного шага и колоть остройгой. Точно так же шумно плескались и язи. Но если щуки то и дело для игрищ своих выбирались на открытое место, язи жались к кустам и вели себя очень осторожно. К ним подойти с остройгой даже не стоило пытаться. По неосторожному всплеску при шагании рыбака в болотниках с длинными до паха голенищами язи замирали, и стоило большого терпения дожидаться, пока они снова осмелеют и начнут тереться боками друг о друга и бить по воде плавниками. Зато бесшабашные щуки, которые привыкли, что обитатели водоёмов боятся только их, сами не остерегались никого. Они так увлекались своими брачными играми, что не обращали внимания ни на что. Вот этим и пользовались жители окрестных деревень, запасаясь провизией чуть не на всё лето. На рыбалку шли все, кому не лень. Мужики затачивали зубья и без того острых, как швейные иголки, кованых десятипалых острог, им подражали подростки, особенно те, что жили без отцов, сгинувших на охоте или на рыбалке во время шторма на ласковом на вид, но при ветре очень сердитом озере.

Рыбаки надевали бродни, которые предварительно латали при помощи резинового клея кусками старых велосипедных камер, и, хлопая широкими голенищами, шли за несколько километров за легкой добычей.

Большинство брали с собой ружья и с расстояния нескольких шагов стреляли бекасинкой в самую гущу трепещущих плавников, потом подбегали и торопливо совали оглушённую рыбу в жадно распахнутые зева мешков с привязанными к углам верёвками для того, чтобы носить за спиной наподобие армейского рюкзака.

Одним выстрелом удавалось оглушить по пять, по шесть и больше рыбин. И тут надо было просто успеть выхватить их из мелководья, пока они не оклемались и не успели юркнуть подальше от неудачно выбранного для брачного восторга игрищ.

Леший для рыбалки ружьё не признавал. Он любил тишину, хотя справа и слева то и дело раздавались глухие выстрелы, пугающие не только рыбу, но и налетевших по весне уток, которые кормились на мелководье после дальнего путешествия.

Уток мужики по весне не трогали. Не стреляли и селезней с яркой сиреневой окраской, потому что после дальних перелётов не было от них почти никакой пользы: ни мяса, ни навару. Вот ближе к осени – дело другое. Тогда заготовка дичи шла вовсю, чтобы жить с приварком до самых морозов, пока не начнут забивать домашнюю скотину – бычков, свиней да барашков.

Анемподист на нерест ходил только с остройгой. Терпения у него, в отличие от торопыг-подростков да азартных мужиков, хватало. Он, заслышав издали плеск плавников, шёл в том направлении, не издавая плеска, переступал по ровной затопленной луговине настолько медленно, что не создавал малейшего движения прогретой солнцем воды. И нередко нерестящиеся щуки сами выплывали на него на расстояние отполированной длинной рукоятки остроги. Оставалось только удачно попасть в самую середину шевелящейся кучи.

Леший никогда не промахивался и за один удар насаживал до трёх рыбин.

Добыча была не слишком удачливой, только если не везло с погодой, но сегодня день выдался ясным, тёплым, и потому его заплечная котомка наполнилась быстро. Ему самому столько рыбы не требовалось. Небольшая кадка уже была до верха наполнена солониной,

потом, как сойдёт с озера лёд, в сетки наловит он лещей да чёши завялить, а когда пойдёт снеток, мужики подкинут ему несколько ящичков на сущик. Вспомнив про сущик, Леший даже сглотнул невольно набежавшую слюну – уж больно по вкусу была ему эта мелкая рыбка, что духмяно пахла свежими огурцами. Он по миске брал её у рыбаков каждый день до конца короткой путины, зажаривал с куриными яйцами в большой сковороде и питался таким деликатесом от пуза. А когда снеток только начинал идти, был ещё чистым без сорной рыбы типа ершей, делал заготовки впрок.

Раскладывал на жаровнях, присаливал и сушил в русской печке, а потом хранил в холщовых мешочках, то и дело проверяя, не завелись ли мелкие серые червячки, что так любили плодиться в жабрах краснопёрки и язя. Сушёный снеток Анемподист любил заваривать кипятком в большом блюде, накрошив туда пару больших луковиц. А когда рыбёшка в закрытой крышковой посудине разопреет, ел её с превеликим удовольствием. Несмотря на лук, не воротили морду от похлёбки и Барсик с Буяном.

Сегодняшнюю добычу Леший собирался занести Марине с Авдотьей, что зимой взяли к себе на воспитание Олёхиных девчонок. Семью эту мужики не оставляли без опеки: рыбаки по дороге с озера постоянно завозили по несколько хвостов свежатины, которой хватало и на уху, и на пироги, и на сущик, но сейчас все делали заготовки для себя на лето с его жаркой страдной порой сенокоса и уборки урожая, поэтому гостинец от Анемподиста сироткам не помешает.

Леший, хоть и идти-то было всего два километра, в который уже раз скидывал котомку на землю не из-за того, что уставал, хоть поклажа и была пуда на полтора, а потому, что резали плечи тонкие верёвки. Вот и сейчас он то и дело подкидывал на спине ношу, пристроил снизу острогу и таким образом часть тяжести переносил на свои сильные руки и наметил, что дойдёт до развилки и сделает очередной привал.

Там его кто-то уже опередил. Рядом с тропкой чернел большой мешок. Леший поставил свою котомку рядом, потёр плечи и поясницу, осмотрелся. Мешок был явно Степана, но самого хозяина не было видно, значит, наколол столько, что зараз унести не смог и половину добычи оставил для второй ходки.

На Кьянде без присмотра можно было оставлять что угодно. Чужого отродясь никто не возьмёт, поэтому и дома с амбарами не запирали, и лодки на берегу не пристёгивали замками, и снасти смело оставляли сушиться на специальных вешалах из жердей.

Анемподист сделал несколько шагов в сторону от тропинки, наломать ивовых веток и подложить вместе с осокой под верёвки, устроив таким образом мягкие наплечники. Прямо из-под сапога испуганно отскочила в сторону задремавшая было на тёплом солнце лягушка. Она-то и подтолкнула Лешего на очередное озорство.

За несколько минут он наловил пяток крупных лягушек, развязал горловину Степанова мешка и сунул их прямо в шевелящуюся щучью кучу. Но зубастым на суше было не до деликатеса.

Быстро устроив тяжёлую котомку на спине, Леший подложил сделанные наплечники под верёвки и быстро зашагал в сторону Носово к дому Авдотьи, чтобы ненароком не встретиться со Степаном и таким образом не лишиться розыгрыша его неожиданности и загадочности.

Отдав обрадованной Марине добычу, которая тут же вывалила ещё живых щук в большое корыто, сполоснула котомку и повесила её сушиться.

– Пойдём, Анемподист Кенсоринович, у нас как раз самовар на столе, мама оладушек напекла, чаю с нами попьёшь. Котомка-то той порой и просохнет немного, хоть вода стекёт, да и то ладно.

От чая с оладушками Леший отказываться не стал и присоединился к большому семейству. Девчонки все трое помогали маме Марине и бабушке, как они называли Авдотью, носить на стол чашки, ставили блюдечки для варенья, Марина принесла из сеней крупно нарезанную щуку, что успела просолиться с предыдущего Анемподистова угощения. Авдотья поставила

на стол чугунок только что свареной картошки, прислонила ухват к печке и стала разливать из самовара кипяток.

После завтрака Анемподист поблагодарил хозяек за угощение.

– Да это тебе, Анемподист, спасибо от нас большое, что не забываешь, что подкармливаешь сироток, – заговорила Авдотья.

– Да какие же они у вас сиротки, – запротестовал Леший и погладил стоящую рядом Катку по голове. – Вон в какой заботе да ласке живут! И сами молодцы какие! Смотрю, всегда помогают вам по дому. Умницы вы этакие! Ладно, пойду я. Настена, поди, заждалась уже. Спасибо за хлеб-соль, за чай-сахар, за угощение!

Анемподист вышел за калитку и бодро зашагал по дороге, непременно решив завернуть к Степану, чтобы насладиться результатами розыгрыша.

Степан вернулся незадолго до него, скинул мешок с рыбой под берёзу, где Дарья заканчивала чистить первую партию сегодняшней добычи.

– Здорово, Степан! Здравствуй, Дарья! Как сѣдни добыча?

– Ох, хорошо порыбачил! Два мешка наколол. Представляешь, в одном нересте десять щук было, дак целый мешок сразу и набрал. Вон Дарья как раз потрошить заканчивает. Щас второй вмистях чистить станем, посижу маненько, охолону.

– Ты лучше засолкой займись, а я сама выпотрошу. Солить-то не смогу, вон одна ухитрилась за палец хватануть до крови. Ишь вот, перевязать рану пришлось.

– Дак ты бы это, их сначала чем по голове оглушила, а потом уж и резать. А то, неровѣн час, и палец откусить может. А вон ту большую-то голову собаке не отдавай, разделай да засуши как следует. Потом, ежели поясница заболит али надорвѣсси где, зубьями-то хорошо надо потыкать больное место, и пройдёт сразу.

– Ой, Анемподист Кенсоринович, всё-то ты со своими шутками да прибаутками, – отмахнулась Дарья. – Где слыхано, чтобы щучьей челюстью поясницу лечили?

– А завсегда у стариков-то так было. Вы, молодые, все старые рецепты позабывали. Поди, не знаете и тово, что, ежели у щуки в животе лягушку живую выпотрошишь, в доме семь дѣн её держать надо. От сглазу и от колдовства всякого. А ежели две больших лягушки три часа в горшке в печке горячей томить, да этот бульон потом смешать с водкой, настой вечной молодости получится.

– Это его потом пить надо? – заинтересовалась Дарья.

– По чайной ложке три раза на дню.

– Ой, меня сейчас блевать потянет, – прикрыла Дарья ладошкой рот, будто и впрямь её начинало тошнить.

– Ты сам-то, поди, не стареешь совсем как раз от этого лягушачьего настоя? – спросил Степан.

– А вот это уж мой секрет! А тебе скажу, что лягушечьи лапки для придания мужской силы хорошо, ежели их засолить с укропом, петрушкой да чесноком. Помню, ещё дед наш сказывал, што раньше молодым на свадьбе обязательно это кушанье давали. Пошто лягушки-то в сказках завсегда в красавиц превращались? А потому что заговор в них был колдовской.

– Да ну тебя со своими сказками! – хохотнула Дарья. – Я лягушек-то пуще смерти боюсь. Когда летом с покоса идѣм вечером да их перед дождѣм по дороге целые тучи скачут, дак я хоть и в сапогах аж с закрытыми глазами шагаю, а сердце-то так и замирает: только бы не наступить на какую.

– А как Иван-то Царевич лягушку болотную целовал? И ведь, поди, крупнущая была, коли в красавицу могла превратиться. Ты ежели в какой щуке лягушку найдѣшь, дак это, Степану-то не давай целовать, а то пиши пропало, уведѣт мужика к себе во дворец на болоте.

– А што, я бы во дворце-то пожил с царевной. Вот только целовать лягушку не осмелился бы. Я ить и сам их, противных, на дух не переносу.

Дарья тем временем развязала принесённый мужем мешок, высыпала содержимое в большую лохань и стала разглядывать добычу, чтобы сразу же отобрать крупных щук на засолку, а щурят почистить да потушить с картошкой.

И вдруг среди полусонно шевелящихся щук она увидела совсем не рыбы глаза, наклонилась пониже разглядеть и с воплем отскочила в сторону. А лягушки почувствовали свободу, начали выбираться из склизкого рыбьего окружения и спрыгивать на замусоренную чешуёй лужайку. Одна с перепугу сделала прыжок, потом второй в сторону отпрянувшей Дарьи, та с диким визгом помчалась на крыльцо, заскочила в сени и захлопнула за собой двери. Степан непонимающе стоял возле широкой лавки у огорода, а Леший хохотал, держась за живот обеими руками.

Степан удивлённо смотрел, как из лохани одна за другой выпрыгивали крупные лягушки и с перепугу металась по траве, ища убежища.

– Ни хрена себе, это сколько же щуки лягушек-то наглотались? – дивился Степан. – Да, главное дело, при этих зубах, а заживо глотали. А в мешке-то, поди, с перепугу и выплюнули. Это когда их выстрелом оглушило, у них, знать, несварение желудка началось. А што, Дарьянька, может, двух-то штук и правда в горшке в печку томиться поставишь?

– А не пошли бы со своими лягушками куда подальше, – откликнулась из-за закрытой двери Дарья. – Дам я тебе печку поганить, как же! Разбежался! На ножик да сам теперь рыбу и разделявай, я к лохани больше и близко не подойду.

– Ну, это, пойду я, – поднялся с широкой лавки Леший. – Делов ишшо много сёдни.

И закрыв за собой калитку, довольный результатом своего очередного розыгрыша, пошёл в сторону своего дома. Он знал, что теперь про этих выплунутых щуками лягушек говорить на Кьянде будут целое лето, всё время пытаясь понять, к добру такое чудо случилось или к худу.

Глава 14. Жили-были две подружки

Жили Евфросинья с Анной душа в душу. Дома их рядом стоят, ну а соседское дело такое – то за одним, то за другим коснуться приходится.

Не ругивались Евфросинья с Анной отроду, чего напраслину городить. Подругами неразлучными по деревне слыли. Одна пирогов напечёт, соседке несёт попробовать, удались ли. Той от сына посылка придёт, гостинцами городскими потчует. Так и жили.

Только однажды забралась в огород к Евфросинье Аннушкина коза и всю капустную рассаду подчистую съела. А рассада-то уж большая была. Ну, не обидно ли?

Села Евфросинья на грядку и слез унять не может. Ведь столько трудов пропало, когда-то теперь новая рассада вырастет, не успеют к осени кочаны вызреть. Она ли за рассадой той не ухаживала?! Сколько воды из колодца перетаскать пришлось в этакую-то жару! И все труды козе под хвост. Такое зло бабу взяло! А тут, как в насмешку, коза-то Нюркина опять в огород припёрлась и прямо к Евфросинье идёт и блеет. Схватила Фрося палку и давай рогатую по огороду гонять, а та со страху лазейку найти не может и вдоль частокола бегаёт, во весь голос блеет.

Пока гоняла блудливую скотину, та ещё больше беды наделала: два раза по грядкам с морковкой пробежала, огурцы и лук истоптала. Зато и досталось бедной, когда голову в частокол просунула, вперёд протиснуться не может и назад рога не пускают.

Лупила её Евфросинья сколько сил хватило да приговаривала:

– Не ходи, зараза, по чужим огородам, не пакости! Вот тебе, вот тебе, дохлятина рогатая, ведьма подколотная!..

А тут и Аннушка во двор вышла. Увидела, как её любимую Зойку подружка лупит.

– Да ты чё, девка, не в уме, верно?! – запричитала она ещё от крылечка и кинулась со всех ног на выручку. – Да ты што, Бог с тобой, Фрося?! Порешешь ить козу-то, а она вот-вот объгнётся должна. – И засуетилась: – Бедная ты моя, Зоюшка! Ишь досталось тебе, несчастной... Кормилица ты моя ненаглядная...

– И поделом досталось, пусть по чужим огородам не лазит – не пакостит. Ты погляди, как нашкодила! На лугу ей травы мало, всю капусту у меня сожрала, прорва этакая! Огурцы и морковку истоптала... Чтоб ей сдохнуть!

– Да ты чё мелешь-то, Фросенька?! Невелика беда – рассаду съела. Да я тебе осенью своей капусты на то место сколько хошь отдам. Хватит этого добра. А только и тебе наука. Скольки раз говорила, что дыра в частоколе, что заделать надо. А то ишь, бедное животное теперь виновато. Чуть до смерти мою кормилицу не забила. Пойдём моя маленькая, пойдём я тебе хлебушка дам.

– Помолчала бы ты-то, Нюрка! На что мне твоя хилая рассада, когда у самой уж вон какая была. А все ведьма твоя! – И, ещё не отдышавшись от беготни по огороду, так саданула козу напоследок, что та аж подпрыгнула и тут же подогнула передние ноги.

– Ой, убила козу-то! – запричитала Аннушка. – Изверг ты, Фроська, дохаживает скотинушка-то. А теперь ни молока, ни козляток. Я ведь лонись Марье козлёночка-то посулила. Ой, загубила козу, ой, загубила! Живодёр ты, Фроська, ой живодёр!

И пошло, и поехало! Слово за слово, да так бабы разошлись, так распазгались, что полдеревни на крики собралось. А пока скандалили, коза Зойка оклемалась, сунулась было снова на капустные грядки, только поживиться там оказалось больше нечем, и она спокойно вышла на улицу через распахнутую настезь калитку.

А у соседок дело так просто не кончилось. Обе оскорбились и написали заявление в сельсовет. Иван Михайлович целую неделю увещевал баб, а потом вынес первое за всё время

председательства решение – оштрафовать обеих за нарушение общественного порядка, чтобы впредь не скандалили да жили миром.

А те, наоборот, ещё большую обиду затаили друг на друга. У Аннушки вскоре Зойка объягчилась. Хорошенькая такая козочка уродилась, шустрая. И назвала её хозяйка Фроськой. Стала Аннушка Фроську к пойлу приваживать, а та ни в какую не хочет. Ох, и намучилась! А ругани было-о-о!

– Фроська, дура, куды мордой-то тычесси? Зараза ты мокрхвостая! Вот свалилась на мою голову.

Той порой Евфросинья задами мимо проходила. Слышит, костерит её бывшая подружка по всем статьям как только может.

«Нет уж, не спущу боле», – решила Евфросинья и бегом к председателю. Так, мол, и так, опять Нюрка Скворчиха за своё взялась, опять костерит-поносит, проходу не даёт.

Выслушал Иван Михайлович, он как раз на ту пору трезвый был, очки снял, через которые газету читал:

– Пошли, так сказать, разберёмся на месте.

А Аннушка всё с козлёночком своим воует. Послушал председатель, послушал, во двор за калитку зашёл. Хозяйку окликнул.

– Нехорошо получается, Анна Игнатьевна! Я вас обеих давно ли штрафовал, а видно, опять привлекать придётся. Но уже по более суровой статье, так как рецидив наблюдается. Не угомонилась ты, Анна Игнатьевна, так сказать. Неладно это, братец ты мой!

– Ой, да что это вы, Иван Михайлович! Бог с тобой! Да я и словечка худого боле не сказывала. Пусть язык мой отсохнет, ежели вру!

– Сам слышал, Анна Игнатьевна, как ты соседку свою, подружку бывшую, на дворе только что последними словами костерила, матюгами нецензурного характера обзывала. Придётся протокольчик составить. Нельзя, понимаешь, чтобы подобные безобразия безнаказанно чинились, чтобы людей ни за что ни про что оскорбляли. Сигнал к тому же от потерпевшей поступил. Жалоба, так-скасть. Теперь вот и сам удостоверился.

– Ой, так это же я на козлёночка своего, Фросеньку, ругалась. Никак не могу к пойлу приучить... Измучилась вся, Иван Михайлович! Хорошенький такой козлёночек. Фроськой назвала. Козочка... Уж до чего вредна, стерва, спасу нет. Вот и ругаюсь...

Разъяснил после этого Иван Михайлович Евфросинье, что посягательства на её человеческое достоинство со стороны Анны Скворцовой не наблюдается, что ругается она на свою скотину, а это законом не запрещено. Равно как и то, какое имя, то есть кличку, дать козе или там корове. Дело это неподсудное.

Крепко задумалась Евфросинья, как отомстить супостатке за обиду, да только путного ничего в голову не приходило. Осень уж наступила, новая капустная рассада отменный урожай дала, зима подкатила, а баба всё жаждой мести мается. Сама обида уж и забылась совсем, но только, когда корова растелилась, Евфросинья тёлочку Нюркой назвала.

За долгую зиму помирились бабы, опять с одного колодца воду брать стали, отношения прежние восстановили, гоститься начали.

По весне скот на улицу выпустили. И слышат в деревне, снова Нюрка с Фроськой ругаются, друг друга на чём свет стоит костерят.

– Фроська, зараза жидконогая! Не доводи до греха, иди домой по-хорошему. Вот уж о палкой-то как садану дак!

А из другого заулка то же самое:

– Нюрка, змея подколодная! Ох, и падина ты! Вот я тебе по морде-то!

Застали скотину, сошлись у колодца.

– Ты подумай, Аннушка-матушка! И в ково такая уродилась? Весь день сёдни впробеге. Сил боле нету...

– Ой, сама вся не могу, Евфросиньюшка. С проклятой-то. Как только лето перебыюсь, ума не приложу.

– И не говори, матушка!

И так каждый вечер. Смеётся деревня, а что поделаешь, привыкли уж животные к своим кличкам, не переучивать же.

А Евфросинья с Аннушкой хорошо живут, мирно. По вечерам вместе за самоваром чай распивают и пирогами друг дружку потчуют.

Глава 15. Радио

Многолетние разговоры о том, что на Кьянду проведут радио, кажется, переставали быть только разговорами. Наказ об этом из года в год давали избиратели своим районным депутатам, да только были дела поважнее, чем обеспечить вещанием две сотни человек одиннадцати небольших деревушек, испокон веков оторванных от внешнего мира бескрайним простором Белого озера, по которому когда-то, как утверждали историки, проплывал сам Петр Первый, чтобы своими глазами увидеть град Белозерск, бывший неприступной крепостью Великой Руси на протяжении многих сотен лет и потому сохранивший уклад местного населения в его первоначальном состоянии. С другой стороны от людных мест это урочище отделяли непроходимые летом болота, пройти через которые до больших морозов можно было только пешком, да и то по большой необходимости.

Радио районные власти обещали давно. Оторванное от мира население с каждым годом быстро таяло, бывшие два колхоза захирели, слились в один, но это не спасало экономику урочища. Из трёх школ: двух начальных и семилетки, осталась одна начальная, малокомплектная, в которой Александра Михайловна учила сразу четыре класса в одном просторном помещении. Отапливать его зимой было не под силу даже при изобилии дров, потому что огромные окна дома, построенного по универсальному советскому проекту, рассчитанному на все климатические зоны одновременно, тепло совсем не держали, хоть техничка тётя Нюра каждую осень тщательно их конопатила паклей и проклеивала щели бумажными ленточками, нарезанными из остатков обоев.

В клубе зимой, когда Мишка привозил со своей передвижкой кино, народ сидел в валенках, шапках и верхней одежде. А иногда из-за холода сеансы приходилось отменять, потому что пленка от холода ломалась и никак не хотела заползать через ролики с зубчиками под жаркий луч проектора. В кинопрокате на Мишку ругались за испорченные копии, лишали нескольких рублей премии, грозили уволить, к чёртовой матери, но мирились, потому что другого приобщения местного населения к культуре не было. Разве что иногда зимой приезжала на «козлик» агитбригада. Девки из районного Дома культуры принимали для сугреву по сто граммов привезённой с собой водки, натягивали расписные сарафаны поверх толстых свитеров да кофт, лихо плясали в разношенных валенках, пели разудалые частушки и, сорвав жидкие аплодисменты хлопающих, не снимая вязаных варежек, зрителей, забивались в тесную машину и по ухабам промерзшего болота катили домой, отчитаться о выполнении программы по окультуриванию отдалённых населённых пунктов.

Молодёжь, отучившись в леспромхозовском интернате за двадцать километров, старалась уехать куда подальше. Одних привечали родственники, раньше обустроившиеся в холодном Мончегорске за полярным кругом, других звали к себе в дымный Череповец, третьи уезжали в Ленинград и становились лимитчиками на стройках, на чулочной или трикотажной фабриках. И в этих городах к культуре они не слишком-то тянулись, но, приезжая летом в отпуск, гонора показывали много, захлеб хвастая про свою развесёлую жизнь, большие заработки и этими рассказами мучили голову подрастающим малолеткам, что счастье светит только там. Поэтому и оставались в деревне только те, кому некуда было ехать или по разным причинам не на кого оставить семью с кучей подрастающих детей, которым требовалась помощь старших братьев и сестёр.

Для них, так же как их родителей, даже выезд в район был событием поистине историческим, о котором потом долго вспоминали.

В своё время власти обещали провести на Кьянду не только радио, но и электричество. Но менялись в стране правители, корректировалась политика, на смену линии развития села за счёт мелкотоварного производства приходило постановление об укрупнении сёл за счёт непер-

спективных деревень с последующим быстрым вымиранием последних. Кьянда под эту политику попадала как нельзя лучше. Только вот куда переселять, где настроить столько новых домов, заселять большинство из которых придётся пенсионерами, никто толком не знал, и потому начальники спокойно ждали новых указаний партии и правительства.

А тут как раз начали готовиться к очередному съезду КПСС. Как всегда – историческому. И об этой подготовке, согласно разосланным из центра директивам, народ должен был знать поголовно. Вот тогда и нашлись деньги на радиофикацию.

Сначала позвонили Ивану Михайловичу и настойчиво потребовали принять все меры для оперативной заготовки столбов для какого-то Фидера. Этому немцу, или еврею, их требовалось не менее шестисот штук. Потом из разговора выяснилось, что фидер – это вовсе и не фамилия, а просто название главной линии, столбы под которую должны быть такими же, как телефонные, но просеку надо прорубать отдельную и в ближайшие дни потребовали забрать из района инженеров, которые наметят эту трассу.

Ну, Иван Михайлович не расстроился. Наоборот, даже обрадовался, потому что местные мужики смогут до сенокоса хорошо заработать по обещанным из района расценкам. Просеку рубить вряд ли отправят чужаков. Значит, снова будет денежная работа для местных. Столбы ставить, опять же. Ну, линию тянуть, кроме Анемподиста, специалистов нет, так что с этим справятся и приезжие.

Иван Михайлович радостно потёр руки, перешёл в колхозную контору, расположенную с другого крыльца старого барского дома, стоявшего на отшибе больше ста лет, посоветовался с Иваном Степановичем. Вдвоём и порешили, что с этой радиофикацией им просто удача сама идёт в руки. После весеннего сева до сенокоса можно занять свободных от работы мужиков и дать им возможность хорошо заработать. А заодно и колхозу получить доход, потому что районное начальство разрешило столбы заготовливать не только в государственном, но и в колхозном лесном фонде.

Загоревшийся идеей Иван Михайлович собрался было ехать к Анемподисту, как тот пришёл сам. Пока два председателя совещались, ему тоже позвонило из района его начальство и поручило взять заготовку столбов под контроль, то есть самому отобрать нужные для этого деревья, организовать валку, заготовку и складирование. А потом, когда столбы будут напилены, приедут из района люди и обработают брёвна химикатами от гнили.

– Так что, Анемподист Кенсоринович, посмотри, где лучше рубку вести. Хорошо бы к дороге поближе да в колхозном фонде.

– Дак это известно где. На Зелёном бору и заготовим. Там как раз строевой лес вызрел.

– Вот-вот, самое то! Бригадиром мы решили Степана назначить. Рыбаки сейчас все на тоне заняты. Сам понимаешь, отрывать никак невозможно. Так что снарядим со Степаном Ивана да Веньку. Одного – помощником вальщика, другого – сучкорубом. Фёдор на тракторе трелевать будет. Билет, мы уже договорились, потом оформим честь по чести, не боись. Дело, понимаешь, государственной важности, проволоочки не будет. Ты это сам отметь, какие деревья валить, да скажи, чтобы вершинник на столбы для загонов пилили. Пригодятся. Корить Иван Степанович пацанов отрядит, пусть тоже подзаработают.

Наутро Леший пришёл к Степану часам к семи, зная, что, его не поторопить, так и к обеду не соберётся. Жена его Дарья, баба сноровистая, уже оладушек мужу с собой напекла, трёхлитровую банку клюквенного морса наварила, вяленых лещей из-под стрехи достала, завернула в старую газету, в сумку положила и на крыльцо вынесла, у двери на гвоздь повесила, чтобы не забыл тормозок второпях.

Анемподист уже трактор слышал, но Степану приспичило в туалет.

Сел Анемподист на ступеньки, ждёт, когда Иван с Венькой подойдут да Степан опростается. Напарников не видно, а этот кряхтит да кряхтит. Вон и трактор уже из Неумоевки показался, только поле пропылить осталось, и пришла Кенсоринычу в голову озорная мысль.

На крыльце как раз старые испачканные навозом Дарьины шлёпанцы лежали. Леший их схватил, сумку с гвоздя снял, лещей вяленых из газеты развернул и вместо них шлёпанцы упаковал. Сумку на место повесил, а рыбу, крадучись, в сенях на стол положил.

Доехали в тракторной тележке до Зелёного бора быстро. Анемподист, пока мужики разминались да потягивались, пока Иван самокрутку сворачивал да смолистый лесной воздух едким своим табачным дымом травил, успел с полсотни деревьев затёсами отметить. Лес тут был, как на подбор. Деревья высокие, прямые, почти без сучков. Веньке на радость да и пацанам потом корить такой ствол намного легче.

Дело пошло споро. Федька трактор в сторону отогнал от греха подальше, чтобы ненароком не пошло какое дерево в сторону да не накрыло технику. К обеду Анемподист уже все шесть сотен стволов отметил. Мужики как раз на перерыв усаживались. Венька костер развёл, соплями кровавые мозоли на ладонях смазывал. Говорено же было, что верхонки надевать надо, так нет, мол, и так руки к топору привычные. Вот теперь в ветоши тракторной роется, чем бы замотать израненные руки. Намотал тряпок, сидит, в огонь смотрит.

– Ты это, Венька, в огонь-то долго не смотри, а то ночью обоссешься, – шутливо предупредил Леший.

– А я, дядя Аник, на сеновале сплю. Не страшно, – откликнулся незлобивый на шутки парень, который и сам уже нет-нет да и подначивал сверстников.

– Ну, смотри да помни, что предупреждал. Ладно, мужики, я своё дело сделал, пойду домой. – Анемподист обмотал свой небольшой топорик тряпкой, сунул под ремень, вскинул на плечо ружьё и потопал в сторону дороги, хотя очень хотелось посмотреть на реакцию Степана.

Когда вода в котелке закипела, мужики бросили заварки, стали доставать и раскладывать обед. Почти у всех были хлеб, варёная картошка, прошлогодние солёные огурцы, баночки с волнушками, обильно сдобренные густой сметаной. Про рыбу накануне договаривались, что на этот раз её возьмёт Степан, хвалившийся жирными вялеными лещами.

Степан с чувством некоторого превосходства перед остальными почти торжественно начал доставать из сумки газетный свёрток, медленно разворачивать мятые страницы областной газеты большого формата, и не успели мужики ничего сообразить, как он вдруг вскочил, заматерился, демонстрируя виртуозное владение русской ненормативной лексикой, и швырнул в костёр скомканный газетный свёрток.

– Ты чё? – встрепнулся Фёдор. – Испортились лещи, што ли? Червяки завелись?

– Да какие, на хрен, червяки? Какое испортились? Леший, едри его мать, со своими шутками голодным оставил!

– Да што хоть случилось-то? – никак не мог понять Фёдор. Остальные мужики тоже сидели и с нескрываемым недоумением смотрели на беснующегося мужика широко раскрытыми и ничего не понимающими глазами.

– Да, едри шутника мать! Верно, пока я в туалете сидел, Леший мне лещей подменил на Дашкины шлёпанцы, в которых она корову обряжает.

В это время быстро вспыхнувшая газета обнажила испачканные навозом шлёпанцы, от тления которых невыносимо завоняло горелой резиной.

– Просрал, значит, Степан наш обед, – подытожил Фёдор.

– Ты, едри мать, ишшо мне соль на рану сыпать будешь! – взъярился было Степан, но под дружный хохот всей компании тоже быстро отошёл и заулыбался.

– Ну, я ему припомню! Старый хрен! Будет знать, как подтрунивать!

– Нет, Степан, на выдумки у тебя ума не хватит. Это ведь надо пакостником родиться, чтобы такое на ходу придумывать. А ты у нас мужик хозяйственный, на такие шутки неспособный. А лещей твоих мы и завтра съедим. Если, конечно, опять просрать не умудришься.

Но на следующий день у Анемподиста была заготовлена новая пакость. Нравилось ему подтрунивать над Степаном, потому что тот на эти шутки неподдельно злился, иногда даже свирепел, но всякий раз не мог ничего придумать в отместку.

Аник с вечера заварил пучок сены, слил слегка зеленоватую жидкость в небольшую баночку, закрыл крышкой и положил в карман. Утром, как обычно, пораньше зашёл к Степану, у которого всегда собирались мужики, получив наряд на очередную работу. Степан, несмотря на расторопную жену, собирался дольше всех, и мужики успевали неспешно покурить на его лавке из широкой церковной плахи.

– Опять пакостить припёрся? – вместо приветствия спросил Степан. – Вот я тебе, Кен-соринович, точно когда-нить бока намну. Попадёшь ты мне под горячую руку.

– Так што это приключилось-то?

– Ты, едри мать, не делай такое ангельское личико! Кто, окромя тебя, мог вчерась мне лещей на шлёпанцы подменить? А окромя тебя, некому, потому что Иван с Венькой даже в ограду не заходили.

– Дак, шлёпанцы-то хоть скусные были? – засмеялся Леший.

– Скусные, скусные! Меня Дарья вчера весь вечер пилила, что её любимые шлёпанцы в огне сжёт.

– Ладно, как думаешь, за сколько управитесь?

– Да дён за десять, поди, управимся.

– Я с вами съезжу, посмотрю, что да как. На обратном пути заодно присмотрю, где новую просеку рубить.

– Вот ты скажи, на хрена новую просеку? Что, провода нельзя на телефонные столбы натянуть?

– Там напряжение другое. Говорят, помехи пойдут, да и в случае порыва, опять же...

– Выдумывают хренотень всякую! Ладно, вон мужики пришли, да и Федька подъезжает. Пойдём, пока ты новую какую пакость не учинил. Уж пока в трактор не сядем, я с тормозка глаз не сведу.

На делянке сумки с едой сложили к кряжистому дереву, прикрыли ветками, покурили, как полагается перед началом работы, и взялись за дело. Завизжала, вгрызаясь острой цепью в сочные стволы сосен «дружба», заухали кронами сваленные деревья, натужно задымил трактор, волокущий на тросу длинные хлысты. Анемподист пересчитал сваленные вчера деревья, прикинул, что за неделю такими темпами мужики валку закончат, потом дня три уйдёт на распиловку. До сенокоса справятся без проблем.

Анемподист оглянулся на занятых работой мужиков, незаметно подошёл к сложенным под ветки сумкам, открыл Степанову банку морса, влил туда вчерашний отвар, снова закупо-рил и пошёл восвояси.

Первый перекур мужики устроили через час. Спины у всех уже были мокрыми от пота, хотелось пить. В деревне все знали, что Степан ни в сенокос, ни на какой другой работе из своей посуды пить не даёт никому. Даже своей Дашке, да на чужое никто никогда и не рассчитывал. Клюква и брусника были у всех, и потому каждый брал с собой посуду с морсом или квасом.

Едва Степан после перекура свалил десяток сосен, как заглушил пилу и торопливо зашагал в сторону от делянки. Вернулся минут через десять, но едва приступил к работе, как пилу пришлось глушить снова.

– Это што с тобой? – поинтересовался Иван, когда Степан заглушил пилу в пятый или шестой раз.

– Да едри её мать, Дарья, видно, воду на морс не прокипятила. Пронесло, никакого спасу нет. Чистит, как с недостоялой браги.

– А ты вчера не этого? Не перебрал недобродившей браги? – поинтересовался знающий в этом деле толк Фёдор.

- Да вы што?! Ни в одном глазу!
- Дак, может, съел чево такова?
- Да яишницу только да чай и хлеб с маслом.
- Дак может, масло прогорклое?
- Вчера вечером Дашка сбивала.

– Может, перетрудилися? Вон вчера сколько напластали, – высказал предположение молчавший до этого Иван. – Вот это вернее всего, – охотно согласился Степан, чтобы на законном основании сбавить сгоряча взятый вчера темп заготовки столбов. Куда торопиться-то? На день раньше, на день позже, у Бога дней не решето. Главное, до сенокоса управиться. А то действительно, надорвешься, как потом страду встречать немощному?

Но вечером Дарье про непрокипячёную воду всё же упрёк высказал, но та клялась и божилась, что зашпаривала ягоды крутым кипятком из самовара. Так очередная проделка Лешего опять прошла для него безнаказанно, но, главное, и без всякого интереса, потому что посмеяться не довелось ни самому шутнику, ни Степановым помощникам.

Глава 16. Пропажа

После Пасхи Настёна занемогла. То и дело у неё кружилась голова, да так сильно, что приходилось опираться о печку или стену. Медичка каждый раз по дороге в соседнюю деревню заходила к занедужившей, мерила ей давление и удивленно пожимала плечами. Оно оставалось, как у молодой, 120 на 70, не было тошноты и шума в ушах, пациентка жаловалась только на слабость и головокружение. Через два дня по совету районных врачей медичка стала делать массаж шейной части позвонка, но и это не помогало. И что удивительно, стоило Настёне выйти на улицу или во двор обрядиться со скотиной, голова переставала кружиться. В избе всё повторялось снова.

Настёна уже стала было задумываться, что на неё влияет икона, как-то утром даже насмелилась сказать об этом Анемподисту, но он только отмахнулся:

– Да чем тебе икона-то может навредить? Доска и доска, только с картинкой.

Богородицу Анемподист сначала хотел повесить в переднем углу, приставил, поглядел, а потом вбил в простенок небольшой гвоздь и пристроил икону на него, аккуратно посередке между рамами, чуть повыше окошек. На другом простенке висел портрет Сталина, подаренный Иваном Михайловичем после войны ещё на новоселье.

Менялась в стране политика, Сталина Хрущёв подверг резкой критике, но Леший к политическому климату не прислушивался и под каждого нового правителя не подстраивался. Так и висел верховный главнокомандующий с золотой звездой на военного образца френче в самодельной раме под стеклом, строго посматривая на скромное убранство просторной избы Анемподиста. И соседство Генералиссимуса с Богородицей хозяина дома нисколько не смущало – оба они для него никакой святости одинаково не имели.

Пасха на тот год выдалась поздняя, поэтому в доме Настёна находилась совсем мало – и колхозную работу надо изладить, и в огороде дел полным-полно, и со скотиной по хозяйству. В избу, где сразу же начинала кружиться голова, старалась заходить как можно меньше.

Так весна прошла, наступило жаркое лето. Анемподист всё по линии ходил да по лесам шастал. И вот однажды вечером говорит:

– Ох, Настёна, и земляники я нашёл! Прямо красным-красно. На Апраксином бору. Кликай баб, завтра с утра, как с делами управитесь, и сведу.

Настёна первым делом – к Нинке. Так, мол, и так, Анемподист земляники полным-полно нашёл, сулит назавтра место в Апраксином бору показать. Ну а Нинка, знамо дело, товаркам сказала, и на следующий день вереницей за Лешим шла в лес чуть не половина деревни. Бабы деток с собой прихватили – домой не наберут, так хоть сами наедятся.

Так шумной ватагой миновали ручей, небольшую болотину, где по осени обычно берут клюкву, и вскоре ещё за одним ручьём поднялись на взгорок, который в незапамятные времена получил название Апраксин бор. Ещё до войны старый бор с мачтовыми соснами свалили и вывезли на запряжённых по три лошадах, подложив под длинные брёвна санки с короткими полозьями. Потом, уже перед самой войной на месте этих делянок собирали малину. И вот теперь снова тут шумел выросший на глазах этого поколения новый лес. Но рос он неровно, с такими залысинами-полянами, на которых как раз буйно разрослась земляника.

Полян этих оказалось много, и народ разбрёлся по окрестному лесу. Потеряться тут нельзя, потому что бор со всех сторон окружало высохшее нынешним жарким летом болото. Да и в самую дождливую осень на него за клюквой ходили без опаски: тут не имелось топей, а заблудиться тоже невозможно, потому что лес был государственный, чётко разделённый на квадраты прорубленными через каждые два километра просеками, которые невозможно не заметить.

Анемподист сначала собирал ягод, потом, видя, как быстро деревенская орава опустошает поляны, не столько собирая, сколько затаптывая ягоды, торопясь из жадности нахватать побольше, решил зайти на соседний бор, посмотреть там. Его от Апраксина бора отделяло по просеке не больше полукилометра.

Леший обошёл остров вокруг, дважды пересёк наискосок, убедился, что и тут земляники уродилось полно, и вернулся звать народ на новое место.

Ребятня уже изрядно умаялась, и голготня заметно поутихла. Только изредка аукались промеж собой бабы, не из боязни заблудиться, а просто от скуки. Настёны на прежнем месте, где Анемподист оставил её одну собирать крупные ягоды, не оказалось. Земляники ещё осталось полно, а она, видно, кинулась искать, где побольше да покрупнее.

Леший окликнул жену, но отозвались из-за кустов Нинка с Марьей, чуть поодаль аукнулись в ответ соседские девчонки. Не отозвалась Настёна, когда звать её стали уже со всех сторон.

«Уж не в обморок ли пала где? – испуганно подумал Леший. – Не зря ить уж сколько времени на головокружение жалилась».

Встревоженный недобрый предчувствием, Анемподист собрал всех ягодников в одном месте. Никто её не видел, и никому она ничего не говорила.

– Бабы, надо Настёну искать, – заявил Леший. – Чует сердце, неладное што-то с ей.

Он расставил людей так, чтобы каждый видел соседа справа и слева и повел сначала по одну сторону бора, потом по другую – в обратную сторону. Заглядывали под низкие густые ели, смотрели за старым валёжником, обходили вокруг толстые пни.

Настёны нигде в бору не было.

– Ладно, бабы, вы тут собирайте, ничо не бойтесь. Ежели што, дорогу домой знаете, а я в деревню схожу, может, она занемогла и домой отправилась. Тут до деревни-то рукой подать, вон слышно, как собаки лают. Потом по-любому за вами сюда приду.

Дома Настёны тоже не оказалось. Леший вернулся в бор, но испуганные пропажей соседки бабы уже не собирали ягоды, а сидели кучкой на краю болота. Даже самые шумные ребяташки не галдели, а присмирели и лишь изредка кто-то толкал другого локтем, но на непоседу шикали, и он виновато опускал голову.

– Может, медведь завалил, не дай бог, – несмело высказала предположение Марья.

– Да какой медведь?! От этой вашей голготни тут любой зверь сломя голову убежит. Да и где вы следы медвежьи видели? Или пни развороченные? Да был бы тут косолапый, дак уж ягод вам точно не оставил. Што съел, а больше истоптал, – с досадой отмахнулся Анемподист. – Давайте-ка ишо разок по бору-то пройдём.

– И правда, бабоньки, может, лежит где, сердешная, а мы и недоглядели, – встала со старого пенька Нинка.

Оставив корзинки на просеке, прочесали остров ещё на два раза. Шли уже поперёк первого осмотра, снова пристально присматривались к каждому кустику, не завиднеется ли где светлая одежа пропавшей. В лес все одевались в светлое, как на сенокос, чтобы меньше кусали комары, которых в лесу, куда не проникал освежающий ветерок, было довольно много.

Потом, отправив деревенских домой, Леший попросил соседку:

– Ты уж, Нина, ежели што, скотину-то нашу обряди, а мы с Буяном тут ишо поищем.

– Да не сумлевайся, Анемподист Кенсоринович! Конечно, конечно. Тольки, думаю, ты быстро Настёну-то отыщешь. Чай, не иголка в стоге сена.

– Дай-то бог! – Леший свистнул Буяну, и они стали обходить бор по периметру. Анемподист внимательно присматривался к мху на краю болотины, на котором бы обязательно чётко отпечатались следы человека или зверя. Хотя медведь, если и находился на острове до прихода людей, быстро бы убрался подальше в лес от шума и гвалта целой оравы деревенских, пришедших по ягоды.

Кроме своих следов, оставленных, когда ходил на соседний бор смотреть землянику, никаких других Леший не обнаружил. Тогда он снова вышел на просеку, ведущую в сторону деревни, и стал стрелять в воздух. Гулкое эхо многократно повторялось, улетаая за болото и на соседние боры.

Анемподист ждал около часа. За это время с любого конца бора можно прийти не один раз. Снова наведаясь в деревню, дома по-прежнему никого не было. Леший вернулся в Апраксин бор, ещё раз обошёл его по периметру, внимательно присматриваясь к каждой вмятинке на зелёном мху, какой обычно надирали для прокладки между брёвнами при постройке дома или бани. Никаких следов на нём не отпечталось.

– Ищи, Буян, ищи! – приказал собаке Леший и стал снова прочёсывать бор, не надеясь, что бабы или детишки осматривали лес очень пристально.

Буян несколько раз робко тявкал на осмелевших белок, но тут же виновато замолчал и деловито продолжал сновать между деревьями, время от времени раздувая ноздри и нюхая наполненный разными лесными запахами воздух. И уж если бы он почуял хозяйку, то непременно подбежал бы к ней, живой или мёртвой, и обязательно подал голос. Но и эти поиски остались безрезультатными.

Ночевал Леший в лесу. Развёл на краю бора на просеке костерок, прислонился спиной к стволу молодой сосны и, глядя на огонь, всё никак не мог придумать, куда могла деваться жена. Под утро он задремал и в полудрёме будто бы услышал голос Настёны. Она что-то говорила, но что, он так и не смог разобрать, потому что тут же проснулся.

Ночи летом стоят короткие. Было ещё совсем рано, но солнце уже высветило красноватыми лучами лёгкие облака. Одна визирка от квартального столба уходила прямо на восток, поэтому Анемподисту хорошо был виден восход нового дня. Сколько он встречал таких рассветов, но этот, пожалуй, впервые не приносил радости. С пропажей Настёны у него на душе тоже образовалась пустота.

Над болотиной завис густой туман, но искать за краем бора и не имело смысла. Даже если у Настёны голова совсем пошла кругом и она не соображала, куда идти, вряд ли бы она сунулась на клюквенник, утопая в глубоком и мягком мху. К тому же следов, ведущих в болото, Анемподист вчера не заметил.

И всё же он ещё раз обошёл бор вокруг по самому краю, а потом отправился в деревню поднимать мужиков прочёсывать соседние боры.

Через два дня мужики поиски прекратили – в деревне летом каждый день дорог. Сам же Леший скитался по окрестным лесам ещё целую неделю. Настёна как в воду канула. Ни следов, ни брошенной корзинки с ягодами, ни сломанных веток, что оставляет за собой любой заблудившийся в лесу человек, помечая уже пройденные места.

Памятуя о том, как появилась в его жизни Найдёна, Леший сходил и до той избышки, где наткнулся на свою будущую жену. Но там, судя по старой паутине, с тех пор никто не бывал.

Так, загадочно появившись в жизни Анемподиста, Настёна непонятным образом из неё и исчезла.

Глава 17. Сенокос

Слава богу, всё обошлось! И народ не узнал, и не затяжелела. А ведь могло бы быть и худо дело.

Вёдро выдалось на удивление! Лонись вон весь сенокос непогодило, ни одного стога поставить не могли, всё в зародах сушили, а нынче уж месяц как жарило. Работы ещё дня на два осталось, а многие уж и совсем с покоса домой убрались. И Дарье со Степаном последний стог сметать оставалось, да Иван Степанович отрядил мужика в район на моторке, а стог сметать, мол, и Валерий Иванович поможет. Мужик он сильный. Свой сенокос закончил, а на складе ещё заведовать нечем.

Поможет-то поможет, только у них на последний стог аж пудов пятьдесят набралось. Неловко чужого человека утруждать. Не думала Дарья, что столько накопнит, площадь-то вроде невелика, да только трава на пойменных лугах этим летом уродилась хорошая. По уму-то лучше бы два стога сделать, да только Степан одну жердь из леса притащил и одно подстожье изладил. Ну, да ладно, ветра нет – можно и в один скидать.

Покос за рекой всегда дружно проходил. Из года в год переправлялись туда чуть не все работоспособные. На этой стороне оставались доярки да телятницы, ну и старые совсем, от которых на лугу проку никакого. Да те дома были, кому скотину не на кого оставить. Зато эти хлеб и рыбники пекли, чтобы косарей обеспечивать.

А на покос – как на праздник отправлялись. Хоть и весело там было, но работали от зари до зари. И то – колхозное стадо сеном обеспечить и своим коровам накосить на зиму. Нормы-то немалые: тридцать процентов себе, остальное – общественное. Это колхозникам тридцать, а если кто посторонний, так и всего десять. Но кто на Кьянде посторонний?

Ставили зимой на собрании на голосование. Председатель Иван Михайлович. Он же власть! Ему не то что за тридцать процентов, ему льготу давали – пополам. Продавец Зинаида. У кого же рука поднимется назвать Зинаиду посторонней? Это для кого она торгует? И кто против проголосует, когда она чуть не каждому под роспись в школьной линованной тетрадке товар отпускает с последующей оплатой? Так что «против» – нет, «за» – единогласно.

Александра Михайловна – учительница. Хоть и восемь ребятишек на четыре класса осталось, а без неё – никуда. Не отправишь малых детушек в интернат на всю неделю за десять километров. И потом, кому-то за десять, а вон из Патрушево так и все двадцать. Так что тоже «за» – единогласно. К тому же муж Евгений самый что ни есть настоящий колхозник. К тому же всегда при партийных должностях: то секретарём, то народным контролем избирается.

Настя – фельдшер. Так ей сена и не надо, потому как хозяйства не имеет. Ей молока-масла любая хозяйка даст. Ещё Анемподист Кенсоринович. Он не в колхозе, а при связи. Так и ему тоже сено совсем ни к чему, потому что как только его Настёна сгинула безвестно, так Леший свою корову и привёл Верке. Мол, у тебя ребятишки малые, не гоже только на мамкино хозяйство рассчитывать, своё заводить надо.

Валерки на те поры дома не было, а Верка сразу в слёзы! Мол, извини, Анемподист Кенсоринович, нету у нас таких денег, чтобы корову покупать.

– Да ладно тебе, девка, – отмахнулся Леший. – Куда мне с деньгами-то? В гроб, што ли, класть? Да и кто у меня за скотиной ходить будет? А так мимо пойду – молочка нальёшь, творожку положишь. Вот и в расчёте. Тебе же двоих мальцов кормить надо, а куда им без молока?

– Так мы у мамы берём, – стала оправдываться Верка.

– Не дело всю жизнь за мамку прятаться. Валера у тебя мужик хозяйственный, обзаводитесь домом как надо.

А больше на собрании и обсуждать некого. Так что все на равных и переправлялись на пойменные луга Зареки. Из ближних деревень вечерами домой уезжали, а дальние так там и жили. Место было выбрано давным-давно. Чтобы не донимали комары, на высоком пригорке, который не затопляло даже в самое сильное половодье, ремонтировали шалаши, из веток сделанные туалеты, навес с длинным столом из широких досок. И по команде председателя заселялись.

Поскольку снедь у всех одинаково нехитрая, делить нечего. В каждом доме летом еда одинакова: малосольные огурцы, картошка, сметана да творог с молоком. Ну и к сенокосу старался Анемподист Кенсоринович. На день-два он уходил в лес со своим Буяном, а как помнили деревенские, всех своих собак он называл только этим именем, будто полагая, что душа прежнего верного друга переселяется вместе с кличкой и к новому её обладателю. А там уж, как водилось, загонял поближе к деревне лося и обеспечивал косарей свежатиной. Так что мясо у всех было, можно сказать, общественное.

Общественной была и рыба, которую мужики ловили ниже по течению. В начале сенокоса ставили там сети, а потом каждый вечер на лодке ездили патровать. Обычно сети стояли на отмели, но нынешним жарким летом рыба ушла на глубину. Там её было меньше, но косарям вполне хватало.

Мелкая шла в уху в общий котёл, а крупную переправляли в деревни, где оставшиеся дома пекли пироги. Поскольку погода стояла необычайно жаркая, днём печи топить боялись, поэтому утром косарям доставляли пироги и хлеб прямо из печи.

Жары в деревнях боялись. Особенно после того, как несколько лет назад в Линёво в самом начале сенокоса вот таким же знойным летом посреди дня молнией запалило самый большой дом Рябчиковых, что стоял посреди деревни. Пересохшая дранка занялась моментально, и поднявшийся ветер перенёс огонь на соседний, потом – на третий... Пока люди бежали с покоса, горело уже полдеревни. И поделать было нечего, потому что в пересохших колодцах воды едва хватало для скотины.

Сенокос начинался торжественно. Вечером Иван Степанович возле навеса проводил небольшой митинг, говорил, насколько важно для страны и для колхоза, да и для каждой отдельно взятой семьи иметь хороший запас кормов на предстоящую зимовку, чтобы не допустить падения надоев и не дать мировому империализму повода для торжества, обогнав нашу Родину по таким показателям, как обеспечение населения высококачественным продовольствием. Он на этом коротком митинге говорил долго, хотя все и так уже знали наизусть каждое его слово, потому что слышали эти речи из года в год по несколько раз: на большие праздники, по случаю сессии Верховного Совета депутатов трудящихся, очередного партийного съезда или партийного же Пленума и на собрании по итогам года.

После напутственной речи садились ужинать и укладывались спать, чтобы, как только рассветёт, дружно выйти на луг. Сашка с Венькой накануне переправляли через реку лошадей, те воды не боялись, топляков тоже и потому охотно входили в воду и брали курс на другой берег, буксируя ухватившихся за гриву коневодов. За рекой хранились две конных сенокосилки, на которых ребята начинали стрекотать с самого раннего утра свою половину луга. На другой половине звенели правилками косы. Работали все молча. Тут было не до разговоров.

На Руси исстари говорили: «Коси, коса, пока роса, роса долой, коса – домой». В этом изречении заключалась мудрость, что во время росы трава мягче и косить её намного легче. Но даже в нынешнюю жару на пойменных лугах Зареки роса держалась долго, поэтому скашивать успевали много.

Потом завтракали, забирались на пару часов в шалаши отдохнуть, чтобы с новыми силами начинать делать перевалы. Собранное в валки сено быстрее высыхало и проветривалось. И копнить из валков было удобнее. Уже к вечеру тут и там вырастали новые стога, похожие на церковные маковки.

Когда Дарья закончила копнить, поднести сено к центру помогли идущие к шалашам бабы. Настя попила молока из бутылки, спрятанной в углублении под сеном в остожье, чтобы не так нагревалось, села в тень копны и тут же задремала.

Кажется, и вздремнуть не успела, не то чтобы отдохнуть, как услышала голос Валерки:

– Есть кто живой, или одному метать придётся?

– Да здесь я, – поднялась Дарья.

– Ну что, начнём?

– Ты извини, Валера, у нас тут много получилось.

– Скидаем!

– Скидать-то не проблема, не пал бы стог-то. Ты ведь первое лето дома, забыл уж, поди, как подавать. На флоте-то другим делом занимался.

– Руки с детства работу помнят. Я ведь сам с пяти лет на стогу стоял.

– Дак, может, ты укладывать будешь, а я подавать стану?

– Да ты сдурела? Мужик на стогу, а баба снизу подаёт. Баба снизу в другом деле.

– Ой, да ну тебя! – отмахнулась Дарья. – У вас, мужиков, одно на уме.

– Да у нас не только на уме. Мы ещё кое-что и на деле можем! – Он воткнул вилы в уже набросанное Дарьей на остожье сено, чтобы ей легче было взобраться наверх.

– Ну, с почином! Сейчас изладим стожок такой же красивый и ладный, как ты сама.

Дарье комплимент был очень приятен, от Степана-то уж сколько лет таких слов не слышала, но опять отмахнулась:

– Да ладно тебе, балабол, подавай уж. А то вон люди почти все работу заканчивают. А нам только начинать. Да и сена столько, что управиться бы до вечера.

– Не управимся, на стогу переночуешь, а завтра Степан сам докидает, – пошутил Валерка. – Да я больше боюсь, что завтра погода испортится. Так-то и подождать бы можно было, но Леший дожди обещает.

– Вот я уж от многих слышал: «Леший дождь обещает, Леший дождь обещает»... Он что у нас тут – барометром работает? У нас на флоте точные приборы погоду правильно предсказать не могут, нередко шторма врасплох застают. А тут Анемподист Кенсоринович один за всю метеослужбу.

– Ой, не скажи! Он и вправду ни разу не ошибался. Не зря ведь говорят, что с Лешим знается.

Леший и впрямь предсказывал погоду безошибочно. А была в этом деле хитрость, про которую на Кьянде никто не знал. На северной стене дома приколотил Анемподист длинный еловый сук. С комля закрепил накрепко, и в зависимости от предстоящей погоды сук то выпрямлялся, то, наоборот, сгибался.

Этот народный барометр не уступал по чистоте предсказаний настоящим фабричным. Особенно чётко предсказывал он скорые грозы, но секрет свой Анемподист хранил в строгой тайне, тем самым лишь укрепляя в народе веру в своих связях с Лешим.

А действительно ли отметил тот его чем-то особенным, оставалось тайной и для самого Анемподиста. Он не раз задумывался о причине своей удачи на охоте, о загадочном сватовстве в лесной избушке, о неожиданно обрётённой там же жене и таком же загадочном её исчезновении через много лет совместной жизни, от которой не осталось потомства.

Валера действительно мужиком был сильным. Часа через полтора на земле оставалось лишь пяток копен.

– Ты там сильно-то не зауживай, – скомандовал он Дарье. – Сена ещё много. Лучше пусть не хватит, с боков наскребем, чем добавку у соседей искать.

– Да я и так стараюсь напускать на бока. Боюсь, пузатым бы не сделать.

– Пузатой бабу делают, а стог надо как-нибудь иначе называть.

– Вот опять ты за своё! – откликнулась сверху Дарья, но Валерка не мог не уловить в голосе нотку игривости.

– За своё, за своё! Смотри, не успеет корова это сено съесть, как хозяйка с пузом ходить будет.

– Да куда уж мне, хватит. Годы не те, чтобы с пузом ходить.

– Да ты у нас ещё хоть куда! Я не помню, ты же всего на два класса старше меня училась?

– А на пять не хочешь?

– Да ну! А мне вообще казалось, что мы ровесники.

– Давай-давай, балабон! Подай, хватит лясы точить.

Разговаривать уже действительно было непросто. Стог всё-таки заузили – с головой бы не сделать, не осрамиться. Вот, скажут, морячок, стог сметать как следует и то не сумел. Только языком чесать и может. Высота получилась такой, что навильник едва дотягивался до верха, да и стожара почти уже не осталось.

Дарья стояла на крохотной площадке, вынужденная наклоняться, чтобы одной рукой держаться за едва торчащий конец жерди, второй брать с навильника небольшими порциями подаваемое сено. Грабли, которыми она принимала сено и раскладывала его ровным слоем, приминая ногами, давно уже были спущены вниз.

Если на земле не чувствовалось даже лёгкого дуновения, то наверху поднявшийся к вечеру ветерок игриво раздувал полы широкого платья, обнажая полные ноги Дарьи. Валера откровенно любовался открывшимся зрелищем, оно волновало кровь молодого мужика и наводило на грешные мысли.

Вот Валера граблями собрал вокруг стога остатки сена, подал наверх. Настя обмотала его вокруг стожара, закрепила поданными ей связанными в пучок длинными ивовыми прутьями, чтобы не трепал сено ветер, пока стог не даст усадку.

Валера по-хозяйски обошёл вокруг, внимательно осмотрел, похлопал носилкой по ровным склонам, приминая замеченные неровности. Отошёл подальше, посмотрел со стороны. Стог получился на зависть ладный.

– Ну что, красавица, там куковать останешься или с небес на грешную землю спустишься?

– Ой, Валера, хватит шутить. Устала я сегодня, сил никаких нет.

Валера поднял носилку, приставил к стогу с той стороны, где, как ему казалось, была небольшая выпуклость. Носилка не доставала до верха метра полтора-два. Пришлось вытянуть руки и даже привстать на цыпочки.

– Дарья-краса, ты берись крепче, я сначала носилку опущу, в землю упру, потом тебя ловить буду.

– Да уж не учи, не рони только.

Дарья со страхом стала опускать ноги с узенькой верхушки стога, нащупала обутыми в сапоги ногами носилку, взялась за её верхний конец.

– Давай опускай.

Валера собрал силы и начал медленно опускать отполированную жердь, чтобы упереть её в землю. Хоть Дарья и оказалась не такой тяжёлой, как предполагал, потребовалось немало усилий, чтобы не уронить. Вот конец носилки упёрся в постриженную косами луговину.

– Осторожно, сейчас я тебя буду ловить. Не торопись.

Снова вытянув вверх руки, Валера приготовился ловить сползающую вниз женщину. От трения по стенке стога её платье задралось чуть не на голову, полностью открыв ноги и даже аппетитный зад, обтянутый лёгкими трусиками.

– Сползай, уже совсем рядом, – сказал Валера и в подтверждение этого похлопал по расположенному чуть выше головы сапогу женщины. – Давай, давай, не бойся! Поймаю!

– Да не боюсь я, только ничего же не видно.

Дарья стала смелее сползать вниз, почувствовала на голых ногах руки мужчины. Чтобы не ставить себя в неловкое положение, стала спускаться быстрее. Ладони Валеры скользнули по бедрам, по животу и уже у самой земли поймали прямо за голые титьки.

«Вот, дура, утром лифчик не надела, чтобы не так жарко было», – успела подумать Дарья, отпустила из рук жердь носилки и рухнула вниз. Жердь брякнулась в одну сторону, они с Валеркой упали в другую.

Валерка не торопился убирать руки с груди, Дарья тоже не шевелилась. Голова слегка кружилась. То ли от того, что перегрелась, будучи целый день на солнце, то ли от того, что долго находилась на высоте. От усталости, от того, что наконец-то смётан последний стог, от какой-то истомы не хотелось двигаться. И было приятно ощущать себя в руках сильного мужчины. Валерка вытащил руку, повернул женщину лицом к себе и прильнул поцелуем. И в голове всё окончательно поплыло...

И вот чужой мужчина уже на ней, вот уже в ней...

«Какая колючая стерня», – мелькнуло в голове, и в тот же миг Валерка, будто прочитав её мысли, подsunул свои ладони ей под ягодицы. И стало совсем хорошо...

Потом они молча шли к шалашам.

«Боже, только бы никто не видел, – думала Дарья. – Только бы не залететь. И как я теперь буду смотреть в глаза Степану?!»

О чём думал Валерка, никто не знает. Он шёл на шаг сзади и чему-то сладко улыбался.

Под навесом уже почти никого не оставалось. Они поели холодной ухи, и все стали переправляться на лодке на свой берег.

От берега Валерке и Дарье надо было идти в разные стороны.

– Спасибо тебе, Валера! – сказала Дарья.

– Да не за что! Если что, зови! Подсоблю!

Два километра до дома Дарья шла, как во сне, из-за предстоящей встречи с мужем, которому изменила первый раз в жизни. Мучила совесть, и страшила необходимость признаваться. Но признаваться и смотреть в глаза мужу не пришлось – Степан пьяно храпел на постели, даже не раздеваясь.

Глава 18. Знойный август, отмщение

Стоял знойный август. Самая его середина с коротким передыхом между заканчивающимся сенокосом и началом жатвы. Солнце будто торопилось отдать сэкономленное за дождливое начало лета тепло и потому жарило немилосердно. Настоявшийся за ночь густой воздух плотным туманом покрывал низины, обещая продолжение жары.

Сенька проснулся от сухости во рту. Казалось, что от жажды язык вспух и не ворочался. Правда, у сухости той была причина, никоим образом не зависящая от погоды – вчера к ночи опять набрался до невменяемости. Такое случалось чуть не ежедневно, благо самогон или брага находились почти в каждом доме. Хмельным напитком рассчитывались за работу, за мелкие услуги, а если не случалось праздника или повода, пили просто так. С радости или с горя. Ну, вообще-то, у Сеньки горя особого не было, равно как и радости в этой треклятой жизни.

Закончил восемь классов. Тройки наполовину были «липовыми», поставленными не столько за знания, сколько из сострадания к матери, давно уже утратившей всякое влияние на оболтуса-сына. А с такими оценками куда податься? Один путь – оставаться в своём колхозе, на ферме которого вот уже больше тридцати лет проработала и мать.

Так по специальности «сходи-подай» проработал до армии, служил в стройбате, где из всего оружия за два года не видел ничего другого, кроме БСЛ, как называли большую совковую лопату, два года рыл траншеи для каких-то кабелей да фундаментов, таскал на стройке кирпичи, замешивал вручную бетон.

Так что никакой толковой специальности не получил и вернулся домой снова крутить коровам хвосты.

Конечно, не один он такой был в их деревне. Только Федька, например, оказался побашковитее и посерьёзнее, в ПТУ выучился, трактор получил, женился, детишками обзавёлся. Сенька же оставался вольным стрелком, и жизнь без романтических мечтаний обещала ему до конца оставаться на побегушках.

Из-за пьянки, лени, вздорного характера, без специальности и перспектив и женихом считался он в деревне в свои двадцать пять самым никчёмным.

Нравились ему две сестры: Танька и Светка, одна нынче десятый в посёлке Новозаречный закончила, другая – два года назад. Общим предлагал идти за него замуж, к матери их, Ньюшере, сволочной такой бабе, официально с ребятами приходил за дочек свататься. Мало, что на улицу выставила, зараза такая козлёнка в его честь Сенькой назвала. Ну, не обидно ли?

Ладно, это все мысли, от которых, не от самогонки, на душе легче не становится. Семён потянулся, встал и, зная, что мать так рано с фермы ещё не приходит, пошёл в кладовку похмеляться.

Сто граммов взбодрили, подняли настроение. Прошла сухость во рту, снова захотелось жить. Сел к столу, съел две сваренных вчера картошины нового урожая с малосольными огурцами, запил молоком и пошёл к восьми часам к конторе получать наряд на работу.

Как и ожидалось, до обеда – отремонтировать стайки в телятнике, готовить двор к стойловому периоду, после обеда – съездить на лошади проверить сохранность сена на дальних покосах. Получив такой расклад, Семён по пути на ферму завернул домой, принял на душу ещё полстакана, закусил огурцом и отправился заколачивать гвозди.

Колотился часа два. Хотя что там колотился, больше времени ушло на разговоры да перекуры. А когда часам к одиннадцати снова заболела голова, вскинул топор на плечо и направился домой лечиться.

Очередные сто граммов живительной влаги снова немного взбодрили. Вспомнил, что мать давно наказывала сходить за черникой, но одному идти не хотелось, и Семён отправился искать попутчиков.

Светка Ньюшерина, одна из его несостоявшихся невест, как раз домой в отпуск приехала, пасла телят сразу же за околицей на высоком берегу реки. Она вполне могла бы оставить стадо на соседскую девчонку, что крутилась тут же в помощниках, но идти с пьяным Семёном в лес отказалась. Он уж вроде и начал по-хорошему, по-доброму, а она, отвратная мамина порода, с ним даже разговаривать не стала.

Тогда Семён достал из кармана большой нож, который давно уже зачем-то всегда носил при себе, раскрыл его и стал лезвием водить по спине девушки. Острый кончик лезвия скользнул по тонкой ткани наброшенного на голое тело платья от шеи вниз, остановился между лопатками, но ничуть не испугал девушку.

– Да иди ты отсюда, козёл вонючий, – сердито отмахнулась она от таких настойчивых приглашений в лес по ягоды.

Подошла и соседская девчонка с вопросом:

– Ты чё тут к Светке пристаёшь? Я ведь папке всё расскажу – мало не будет!

Сенька, раздосадованный холодным неласковым приёмом, вернулся домой, ещё два раза налил по полстакана самогонки и пошёл ловить лошадь – ехать на покосы. По дороге встретил трёх пацанят. Соседского восьмилетнего Кольку да Ньюшериных пятилетнего Гриньку и шестилетнюю Наташку.

Те с удовольствием забрались на коня. Одного Семён посадил спереди, двое ухватились за его рубашку сзади. Лошадь оказалась старой, спокойной и медлительной, шла, почти не раскачиваясь, и ехать было куда приятнее, чем идти по жаре пешком.

Запасённое на зиму колхозное сено стояло на месте не тронутым лесным зверьём, не размётанным шаловливым ветром, и Семён повернул лошадь с седоками в сторону недалёкого леса.

Ребятишки стали лениво есть ещё не до конца созревшие ягоды, носиться между деревьями. Сенька с полчаса побросал в лукошко мелких от жары черничных горошин, но дело это ему быстро надоело. Ягода, конечно, полезная, быстро начинает бродить, и вино получается красивое и вкусное, хотя главное, в понятии Семёна, в вине не цвет и букет, а убойная сила. Лишь бы с ног валило, да голова наутро не болела. А голова, между прочим, опять начинала о себе напоминать и звала к заветной кладовке.

«Да ну её, эту чернику! – нетерпеливо подумал Семён и стал звать лошадь. Но та, видимо, не собиралась ждать в лесу седоков и самостоятельно направилась в сторону дома. – Теперь придётся километра три идти пешком. А тут ещё эта ребятня! И чёрт же дёрнул взять их с собой. Тоже мне, компаньоны!»

А компаньоны уже в досталь набегались и притомились. Младшего, пятилетнего Гриньку, пришлось взять на кокорки. Был он не тяжёлым, но от восседавшего на плечах ребёнка стало ещё жарче, и по спине побежали противные струйки липкого пота.

Из леса вышли к кукурузному полю. Любимая хрущёвская культура вымахала на два метра, в обход идти далеко, а напрямую до дороги придётся ребятишек переносить на себе. Семён оставил старших на опушке и пошёл с Гринькой проламываться через толстые стебли.

– А ты хороший, – неожиданно обронил похвалу ребёнок. – А мамка всё тебя ругает.

– И как она ругает? – заинтересовался парень.

– А-а, по-всякому. Пьяницей называет, козлом, каким-то отребьем, да я всех и слов-то не знаю.

«Ах ты, стервоза, – мысленно вскинулся Семён. – А я ещё породниться хотел, к дочкам сватался». И вспомнились сразу все обиды, накопившиеся и на дочек, и на несостоявшуюся тещу, в насмешку назвавшую его именем козлёнка, и вообще на всех и вся.

– Да не крутись ты там! – прикрикнул Семён на ребёнка, который именно в это время начал устраиваться поудобнее, чтобы не упасть со спины на землю. Тонкая его ручонка перехватила горло, и стало невмоготу душно. И вспышка ярости, от удушья ли, от требующей ли

добавки спиртного головной боли, привели парня в ярость. Он скинул Гриньку с плеч, рукой зажал ему рот, второй вытащил из кармана нож, раскрыл его и со всего маху вонзил в живот ребёнка.

Этим ударом Сенька вымещал всю свою злобу, накопившуюся на мать ребёнка, которая в глаза и по-за глаза обзывает его всякими нехорошими словами, которая ни во что его не ставит, которая не отдала за него замуж ни одну из своих дочерей.

Распоров живот, Семён несколькими движениями перерезал ребёнку шею. Клопоча, хлынула из распоротой гортани кровь, ручейком стала стекать на серый песок кукурузного поля и тут же свёртываться, запекаясь на горячем воздухе.

Сенька встал, равнодушно посмотрел на трупик и, удовлетворённый совершенным актом возмездия мамаше за нанесённые ему обиды, направился к оставленным на опушке детям.

Пообещав вскоре вернуться за Колькой, Семён вскинул Наташку на плечо и пошёл по уже проторенной среди кукурузных зарослей дороге. Метров через двести взрослый парень вдруг почувствовал возбуждение от прикосновения к нему тела девочки, и тут же возникла шальная мысль – раз не уступают ему старшие, поймать им назло младшую.

Семён снял Наташку с плеч, сдернул с неё трусики. Ребёнок, ничего не понимая, не сопротивлялся. От охватившего возбуждения уже плохо контролирующей свои действия, парень повалил ребёнка на землю и по-звериному быстро овладел несопротивляющимся из-за непонимания ситуации телом.

Наташка не заплакала. От страха ли, от боли ли, от неожиданности случившегося с ней она лишь молча смотрела на насильника широко открытыми глазами. А когда тот быстро удовлетворил свою похоть, спросила:

– А Гринька где?

Испугавшись, что девочка расскажет о насилии, будет расспрашивать о брате и сообщит, что именно он, Семён, унёс через поле её братишку, изверг достал нож и вонзил его в горло ребёнка.

Завершив второе за час убийство, снова равнодушно посмотрел на жертву и пошёл за соседским Колькой. Того на опушке уже не было. «Видно, не дождался, вокруг поля домой побежал», – равнодушно подумал Семён и отправился прятать трупы убитых детей.

Наташку забросал ветками на краю поля в болоте, потом без труда отыскал тело её брата, чтобы не запачкаться кровью, привязал к ноге завалившийся в кармане обрывок прочного шнура и поволок в сторону недалёкого кладбища.

Дома сменил одежду, бросив запачканные грязью и кровью джинсы в таз с водой, добавил ковшиком щёлока, следом отправил пропотевшую с пятнами крови рубашку, зашёл в кладовку и налил очередные полстакана самогонки.

...Поиски пропавших детей и преступника были недолгими. Колька рассказал, что Гриньку с Наташкой через поле переносил Семён, показал место, от которого уходили в заросли ошалевшей в своём безудержном росте кукурузы следы Сенькиных драных кроссовок. По этим следам вышли и к спрятанным телам убитых детей.

Семён сидел дома после очередной дозы из неиссякаемой бутылки, тупо смотрел в пол ничего не выражающими глазами и заученно твердил: «Вот отомстил так отомстил. Ну, отомстил Нюшере за все обиды...»

Когда разъярённая толпа односельчан ворвалась в дом, он не сопротивлялся и молча сносил удары, даже не пытаясь увернуться от побоев.

Глава 19. Бантик для Геракла

Степан и Геракл давно ненавидели друг друга лютой ненавистью. Вообще-то, Геракл по натуре очень спокойный, даже добродушный, никого, кроме Степана, не трогал. А Степан, конечно, сам виноват. Не повёлся бы тогда на шутку пастуха Михеича и не было бы вражды.

Случилось это аккурат два года назад. У Степана корова загуляла. Ну, дело-то обычное, каждый год коровам на случку надо, только раньше в соседнюю Семёновку свою Красаву Дарья водила. А тут, как назло, спину у неё на сенокосе перехватило. Прямо хоть волком вой! Уж и финалгоном мазали, и лопухи на ночь привязывали, и, по совету Лешего, щучьей челюстью с острыми зубами массаж делали, и свекровкиной прошлогодней настойкой на мухоморах мазали – ничего не помогает.

А корова, знамо дело, ждать не может: вот подавайте ей быка – и всё тут. А бык на всю округу один остался, у фермера Пети Панина. Он целое молочное стадо держит. Так и то хорошо, что тогда одного бычка оставил, не сдал вместе с другими по осени на мясо. Как чувствовал, что Марина, техник-осеменатор, которая за двадцать километров из Костомы ездила, в район замуж выйдет. А из своих на осеменатора кого учить? Некого! Вот бычок-то ко времени и подрос. Гераклом назвали. Теперь на этого Геру только и надежда у всех деревенских осталась.

А Гера такой бугай вымахал, что лонись нетель из Петиного же стада покалечил. Как наскочил, так спину и сломал. После этого прямо на ферме Пётр специальный станок соорудил.

Долго Геракл к этому станку привыкнуть не мог, а может, просто от ожирения обленился, но не больно-то живой интерес проявлял, когда от него исполнение бычьих обязанностей требовалось. Вот эта лень и стала причиной неприязни к Степану.

Степан тогда с сыном Вовкой Красаву в Семёновку привели, по дороге на ферму занесли Петру плату за услуги быка, и напрямиком на скотный двор. Сына Степан взял корову подгонять, но она и так полдороги впереди прошагала, а тут, зачужав быка, чуть не бегом кинулась.

Михеич как раз стадо пригнал, Нинка с Катькой дойку начали, а Геракла, как обычно, в отдельную стайку заперли. Красава его чует, мычит что есть мочи, а Михеич и огорошил, мол, сегодня Гера одну корову уже огулял, так что вряд ли что получится. И ленивый стал, да и возраст не тот, чтобы по два раза на дню долг исполнять. Только когда Степан из кармана бутылку достал, повеселел старик, подобрел.

– А вы оставьте свою корову на ночь, утречком я случку и организую.

А что такое на ночь оставить?! Во-первых, она ещё не доена, но это-то не проблема – бабы и тут подоят, а самое главное, шутка ли – утром снова пять километров в Семёновку махать? Михеич с доводами согласился. Давай, говорит, попробуем, может, что и получится.

Загнали Красаву в станок, Геракла Михеич привёл на верёвке, пристёгнутой парашютным карабином к кольцу в ноздрях, а тот только нюхает у коровы под хвостом и никак передними копытами на помост вставать не хочет, чтобы пристроиться и дело сделать. Уж Михеич его и по-хорошему уговаривал, и вицей по ляжкам хлестал. Ни в какую! Поворачивается к Степану и говорит:

– Ты там возле двора крапивный пучок сделай, сейчас мы эффективное средство попробуем.

Степан уж совсем было отчаялся. «Придётся, – думает, – следующего раза ждать, а то, не доведи господь, и вообще Красава яловой останется. Тоже уж годков-то немало, может второй раз и не загулять».

Все руки ошпарил, пока нарвал большой пучок ядрёной переросшей крапивы, подаёт Михеичу, а тот говорит, мол, я быка за верёвку держать буду, как бы не вырвался да беды не натворил, а ты сам давай ему этим пучком-то по мудям поводи. Помогает, уже пробовали.

Ну, Степан по команде Михеича всё исполнил. Как только Геракл опять под хвостом нюхать стал, Михеич говорит:

– Давай, Стёпа, тычь!

Хоть «достоинство» у быка и заросло густой шерстью, а видно, проняло. Вскочил передними ногами на помост и сразу дело сделал. Огулял, значит. И все довольны остались. Михеич, что честно заработал бутылку, Степан, что второй раз в Семёновку идти не надо, а уж про Красаву так и говорить нечего.

Потом по дороге домой, когда Красава спокойно шла рядом, Степан после долгих размышлений и говорит сыну:

– Ты это, Вовка, мамке-то про крапиву не сказывай.

– А почему?

– Да маленький ты ещё, не поймёшь. Лучше промолчи – и всё.

– А чё такого-то? Ну, ткнул ты быку промеж ног пучком крапивы, это же прикольно!

– Вот именно, что прикольно. У нас за баней-то вон сколько крапивыросло, как бы мамка с голодухи чего не надумала. Ну, тебе сейчас всё одно не понять, пока не вырастешь.

– Чё, щи крапивные с голодухи наварит?

– Хуже, Вовка! Ох, намного хуже! Ладно, забудь про крапиву. Смотри, вон за поворотом уже и наша деревня. Пришли почти.

С тех пор Геракл обиду на Степана затаил лютую. Когда Красаву выводили, он на Степана ещё раз внимательно так посмотрел, будто навсегда запомнить хотел. И запомнил, гад этакий! А ведь мужик-то об этом даже помыслить не мог.

О прошлом годе ходил Степан в Семёновку к Петру Панину тёсу выписать – крышу на бане перекрыть. Деньги уплатил, а материал обещал фермер через пару дней привезти, как только пилораму отремонтирует. Ну, на радостях мужик взял бутылку, а дело уже к вечеру, как раз Михеич стало пригнал. Одному-то, знамо дело, пить не в радость, а тут и компаньон нечаянно появился. Тем более, что у него с собой термос был, а крышка – самый в таком случае необходимый предмет – ведь не из горлышка же алкать, не выпивохи, поди, какие. Да хлебушка у Михеича осталось, и даже огурец в котомке нашёлся. Вот только присесть негде, ну, да и это не беда! Облокотились об изгородь, после первой разговору разные разговаривают.

Ещё помаленьку опрокинули. Михеич вспомнил, как лонись они крапивой Геракла заставили бычий долг исполнять. Хохочут оба, довольные выдумкой.

– Вот ты, Михеич, говорил, что и раньше это проделывали. Часто?

– Да я это так, для смеха, брякнул. Я и не думал, что крапива там через шерсть ошпарить может.

– Вот пришалимок! А я и вправду повёлся, думал, проверенное средство. Потом по дороге даже Вовке наказывал, чтобы матери не говорил. Мол, чего доброго, на мне тоже испытания проведёт с голодухи.

И оба расхохотались до слёз, до боли в животе. И только Степан хотел предложить разлить остатки, как неожиданно взлетел в воздух. Мужики так хохотали, что совсем не заметили, как подошёл сзади Геракл и поддел рогами своего обидчика.

Хорошо ещё, что рога Гераклу наполовину спилили на всякий случай, а то большая беда могла случиться. А так только синяками мужик отделался. И ведь так удачно поддел бугай под зад, что Степан птицей через огород перелетел и плашмя о землю шмякнулся. Трезвый-то, может, и покалечился бы, а так совсем легко отделался. А Михеич, видя такое дело, хоть на восьмом десятке, а как второгодок в армии на полосе препятствий через изгородь влёт перемахнул от греха подальше.

Геракл попытался было рогами изгородь разворотить и ведь раскурочил бы, да у Михеича кнут за поясом был. Хлестнул пару раз, отогнал разъярённое животное. Хорошо, что Степан

недопитую бутылку в руки взять не успел, а то пролилось бы всё, к чёртовой матери. А так нервы успокоить осталось чем.

С тех пор Степан, когда в Семёновку по разной надобности ходил, бдительность уже не терял. Хоть трезвый, хоть выпивши, по сторонам оглядывался – нет ли Геракла поблизости. И всё думал, какую бы быку пакость устроить в отместку, хотя изначально-то сам виноват был.

Целый год без толку голову ломал, но случай подвернулся неожиданно. Зинаида-продащица как раз новый товар разбирала, когда Степан в магазин зашёл. И давай она уговаривать:

– Вот, купи жене шарфик красивый, совсем дешёвый. Порадуй Дарью, а то у вас, мужиков, сотни на бутылку не жалко, а жене приятное сделать – жаба душит. К её чёрному пальту вот этот красный аккурат в масть будет.

Повертел Степан шарфик в руках, пощупал. Да на кой, мол, ей эта хреновина. И куда с красным шарфом пойдёт? Людей смешить? Вот, мол, вырядилась, как фифочка городская. Не девочка уже.

Но Зинаида уговорила-таки. Купил. Благо как раз получку выдали. А деньги, как известно, карман жгут. Невелика растрата! Если и носить не станет, может, действительно приятно будет подарок от мужа получить, хоть и ненужный. Заодно Зинаида ещё и крем для рук навалила. Ну и бутылку – святое дело – с полочки взял. А только из магазина вышел, Михеич навстречу.

– А ты что это среди бела дня по деревне разгуливаешь, а не со стадом? Сняли, что ли?

– Дак это, вишь, паутов-то сколько! Спасу нет. Ночами теперь, с вечера стадо на луговину выгоняю. Оно бы в лесу-то травы поболее, да комарья тучи, а на луговине вон уже и отава подрастает, да и ветерок хоть немного обдувает.

Вернулись к Зинаиде, стакан взяли да сыру плавленого «Дружба» – занюхать. Выпили по первой, по второй. Степан расхвастался, какой жене подарок купил, шарфик из кармана достал. Михеич из вежливости потрогал, похвалил.

– А правда, Михеич, что быков красный цвет раздражает? – вдруг поинтересовался Степан.

– Не знаю, брат, красное отродясь не нашивал. А слышал, что эти, как их, ториадоры-то, красной какой-то попоной быка отвлекают, когда он того, который со шпагой, с ног сбивает и топтать да на рога поддевать начинает. Видать, не любят красного, коли тут же на попону кидаются.

– Ну, в кине-то я и сам эту, как её, корриду видывал. Просто думаю, ты всю жизнь со стадом, так должен лучше знать.

– Дак ить кто тут у нас красное-то носит? Это ты вон своей Дарье красный шарф купил, а больше-то, поди, и нету.

– А у меня ещё один красный есть, – созналась Зинаида. – Вот себе бы взяла, да у меня не к чему. Пальта нету, а с курткой оно как-то не очень.

– А давай мне второй тоже, – неожиданно попросил Степан и полез в карман за деньгами.

– Да зачем два одинаких-то? Возьми лучше голубой, хоть менять будет. Голубой тоже с чёрным красиво.

– Нет, красный давай, – настоял Степан и чему-то хитро заулыбался.

Уплатил за покупку, разлил остатки. Выпили.

– А бугай-то сейчас где? Не на воле?

– Да ты что? Забоялся? Не бойсь! Он в своей стайке взаперти. Вот бабы вечернюю дойку закончат, всё стадо выпустим со двора, и его тоже. А так, поди, спит себе.

От магазина Степан почему-то пошёл не по дороге к себе в Носово, а свернул влево. Михеич хотел было поинтересоваться, но махнул рукой – мало ли у мужика ещё какие дела есть.

А Степан напрямик на ферму. Ворота на двор распахнуты, доярки ещё не пришли, и, кроме скота, на ферме никого. Мужик прошёл прямо в конец здания, где из толстых жердей сооружена неширокая стойка для Геракла. Увидев своего лютого врага, тот сразу заволновался, хотел развернуться, но на это его стойло не было рассчитано. Бык начал сердито бить в пол передними копытами, не по-доброму мычать, но ничего другого предпринять не мог. А Степан достал из кармана только что купленный красный шарф и, вытянув руки промеж жердей, торжественно соорудил быку на мошонке большой бант.

Может, завязал слишком туго, а может, Геракла тоже раздражал красный цвет, но, как бы то ни было, он и так и сяк пытался дотянуться до своего достоинства, чтобы освободиться от украшения.

Степан стоял и довольно ухмылялся:

– Вот-вот, попробуй-ка достань. Бык не кобель, так просто не дотянешься.

Вечером, когда после дойки бабы выпустили стадо и открыли стойло Геракла, в сумерках двора не сразу заметили между ног быка яркий красный бант. Увидели, когда он уже вышел на улицу. Отсмеявшись, попытались было снять ненавистное для животного украшение, но к каждому, кто приближался, Гера поворачивался мордой, угрожающе наклонял рогатую голову и скрёб копытами землю. Так и проходил он всю ночь на пастбище с украшенной большим красным бантом мошонкой.

Избавили быка от позора только утром, когда снова загнали его в узкую стойку. Зато долго потом над этой проделкой хохотала вся деревня. Сначала не могли догадаться, кому такое могло прийти в голову, Михеич за выпивкой как-то не придавал Степановой покупке значения, но тайну раскрыла Зинаида, рассказав, что оба красных шарфа взял Степан. Один, поди, подарил Дарье, а второго не пожалел для Геракла.

Глава 20. Средство от запора

– Здорово, мужики! – Анемподист остановился у калитки, облокотился о неширокие тесины обеими руками. – Куда наладились?

– Известно, куда! – Сидящий с краю широкой, метра в три длиной, лавки из старой тёсаной половицы, притараненной с разобранный церкви и по причине чуть не окаменелого её состояния ни на что другое в хозяйстве не пригодной, Иван махнул недокуренной, чуть не с палец толщиной, самокруткой в сторону фермы. – Стайки телятам к зиме готовить. Вчера тёсу напилили немного, пока у Федьки вал отбора мощности не накрылся, дак может, и хватит заместо пропрелых. Пол, поди, знаешь, ишо посядни перебрали.

– А ты, дядя Аник, присаживайся с нами, если не торопишься, – подал голос Венька. Он после школы уже второй год ждал призыва в армию и работал с мужиками по наряду, куда пошлют.

Парень он был скромный, тихий, исполнительный, но уж чересчур зачуханный. А по-другому-то и быть не могло, потому что мать его, Егоровна, баба больно крутая. Она и на ферме в своё время, где лет двадцать была заведующей, три раза свой приказ никому не повторяла. Особенно побаивался её скотник Михеич. Один раз пьяному скажет прибраться, другой, а потом как е...лызнет чем попало, у того сразу и хмель из головы выскочит. Тут же за вилы или лопату хватается и скребёт половицы, как в доме на Троицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.